

Глава 2

Экспедиция на Цейлон и в Индию: 1914–1918 гг.

2.1. Экспедиция на Цейлон: 1914–1915 гг.

Так весной 1914 г. начиналась столь важная и долго подготавливаемая экспедиция на Цейлон и в Индию. Заметим, она была лишь «пробной» и должна была проложить путь и определить координаты для последующих исследований. «Ввиду обширности задачи и полного отсутствия предварительной работы в этой области предполагалось рассматривать первую экспедицию из ряда предполагаемых к отправке в Индию, как ориентировочную. Она должна была дать нам возможность ознакомиться на месте с индийским бытом, дать, конечно, известные результаты в смысле музейных коллекций и приготовить нас к исследовательской работе в той или иной области страны» [Мерварт, Мерварт 1927: 2]. Тем удивительнее, какой результативной она стала.

Молодые исследователи прекрасно сознавали, какие непростые задачи стояли перед ними, но не пугались труда. Вот как позже они об этом писали: «На нас, тогда еще только начинающих этнографов, была возложена завидная задача — изучать быт населения громадной области. Всем, кто знаком с многообразием культур, представленных в индийском мире, понятно, что выполнение такой задачи требует не одной жизни. Наша работа была очень затруднена еще и войной, которая разразилась через два месяца после нашего прибытия на Цейлон» [Мерварт, Мерварт 1927: 3].

Действительно, в те времена проделанный ими путь был долог: через несколько морей в Индийский океан. Супруги Мерварты побывали в Каире, возле египетских пирамид, по железной дороге съездили в Суэц. И наконец «ширь Индийского океана. Позади нас пекло Красного моря, мертвые виды Джедды и Хойдеды. Нас обдувает не раскаленный аравийскими скалами и песками воздух, а свежий ветерок, насыщенный морской сыростью и соленым ароматом. Спокойно и не очень спеша идет наш пароход к своей цели, привычной и будничной, идет по пути, пройденному им уже сотню раз, везет самый прозаический груз — цемент из Новороссии во Владивосток и собирается взять чай в Коломбо для отправки в ту же конечную гавань» [Мерварт, Мерварт 1929: 4].

Первым на их пути лежал остров Цейлон. В Коломбо Мерварты прибыли утром 16/29 мая 1914 г. (с этого времени они стали датировать свои записи по новому стилю). Они немедленно написали письма родным, Б.Э. Петри, отчитались перед В.В. Радловым о расходах на снаряжение и дорогу [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 8]. Поселились в отеле «Гранд Ориентал» ("Grand Oriental Hotel") [Там же. Л. 5] — одной из двух крупных гостиниц, в которых останавливались европейцы, потом — в отеле «Маунт Лавиния» («Mount Lavinia Hotel») в пригороде Коломбо. «Мы решили посвятить изучению и собиранию материала по о-ву Цейлон продолжительное время по следующим причинам: во-первых, о-в Цейлон представляет собой, сравнительно с остальной Индией, небольшую площадь, во-вторых, первоначальное ознакомление с материальной стороной цейлонской этнографии очень облегчалось богатством хотя и не систематических коллекций Коломбского музея, в-третьих, работа могла быть, с пользой для дела, распределена между нами так, что один участник взял на себя изучение дравидийского языка — тамильского, в то время как другой занялся сингальским языком, представляющим собой весьма интересный отпрыск арийского семейства языков» [Мерварт, Мерварт 1927: 3].

Здесь участников этнографической экспедиции застало известие о начале Первой мировой войны. Для обоих это был шок.

Оба считали, что Россию и Германию стравили между собой недоброжелатели, прежде всего британцы. В письмах родным и коллегам Мерварты не скрывали беспокойства за своих родных, оказавшихся по разные стороны фронта военных действий, среди них были и военнообязанные. Война ставила под угрозу срыва и экспедицию. Очевидно, что нашим этнографам стало сложнее получать из России деньги на экспедицию и пересылать в МАЭ собранные коллекции. На Цейлоне Мерварты провели около девяти месяцев, изучая местную этнографию и основные местные языки — сингальский и тамильский. Во главу угла все же было поставлено изучение этнической культуры сингалов — основного населения страны, составлявшего стержень ее цивилизационных характеристик.

Шри Ланка (бывший Цейлон; Ланка — одно из древнейших названий острова; Шри в данном контексте служит эпитетом, означая совокупность таких понятий, как «достопочтенная», «благословенная», «блистательная» и «процветающая») действительно представляет собой оригинальный субкультурный регион в пространстве Южной Азии. Эта оригинальность прежде всего связана с этническими особенностями культуры сингалов как основного компонента в населении страны. Их особенный язык и буддийское вероучение сопутствовали государственности на острове в течение почти двух с половиной тысячелетий. Взаимно дополняя одна другую, эти черты придали неповторимость всему культурному укладу жителей страны, несмотря на яркую и долговременную полиэтничность ее населения.

Язык сингалов, безусловно, родственен новоиндийским арийским языкам Северной Индии и Непала (гуджарати, маратхи, хинди, бенгальскому, непали и другим), хотя не может быть сближен ни с одним из них в особенности. История его развития прослеживается в памятниках письменности, найденных на острове, подтверждая непрерывность его употребления насельниками Ланки. Специфично также широкое употребление в культурной традиции сингалов древнего индийского языка пали: на этом языке здесь был записан канон буддийского учения тхеравади-

нов, а также уникальные исторические сочинения об истории буддизма на острове (в канве последовательной смены царств и царей) — хроники «Дипаванса», «Махаванса» и т.д. На Ланке утвердилась школа южного буддизма, близкая, как считается, к самой ранней форме учения Будды. К тому же буддизм своеобразно вписался в систему местных народных верований.

Эти традиционные верования, да и многие другие культурные особенности сингалов, тоже имеют свою историю, и специфика их во многом сложилась на фоне исторической полиэтничности населения Ланки. Первонасельниками Ланки считаются предки веддов (ныне небольшого народа, их насчитывают от 300 до 3000 человек), которые вели образ жизни, близкий к первобытному. С ними в середине I тыс. до н.э. встретились предки сингалов, переселившиеся на Ланку из северных районов Индии. Примерно в те же давние времена появились на острове и предки современных дравидов, потомки которых живут здесь и теперь. Хотя в их среде различаются разные группы, обычно их называют общим термином — тамилы. В разные времена появлялись на Ланке и мигранты из Персии и Аравии, из малайского мира, даже из черной Африки, отдельные группы представителей современных индийских народов. Заметную роль в жизни и культуре страны сыграли и европейские колонизаторы из Португалии, Голландии, Великобритании (их присутствие на острове длилось почти четыре века — с XVI до середины XX). Эти межэтнические контакты определили многое и в материальной, и в духовной структуре сингальской культуры, в общем укладе жизни, культуре поведения.

И хотя культурная самобытность ланкийцев, сингалов неоспорима, безусловно, они составляют «подвид» южноазиатской цивилизации. А что касается материальных аспектов жизнеобеспечения, основ социальной организации, этикетных норм, то здесь сингалы наиболее близки к народам Южной Индии, хотя сумели сохранить и определенное своеобразие, так сказать, обозначить этнодифференцирующие моменты, подчеркивающие их оригинальность в отличие от ближайших соседей — других народов Южной Азии [Краснодембская 1982].

Все это и требовалось проиллюстрировать будущими экспонатами МАЭ. Как мы увидим в дальнейшем, участники экспедиции очень неплохо справились со стоявшей перед ними задачей. Отметим, что наши исследователи в большой степени считали себя продолжателями русской индологической этнографической традиции, которую заложил И.П. Минаев. В книге «В глуши Цейлона» они это отметили уже в авторском введении: «Правильным пониманием Цейлона мы в значительной мере обязаны прекрасному труду И.П. Минаева “Очерки Цейлона и Индии”. <...> Памяти этого выдающегося русского индолога и путешественника мы и посвящаем эту книжку. В ней выдвигаются иные стороны разнообразного и богатого цейлонского быта, чем те, которые были описаны И.П. Минаевым. Мы поэтому надеемся, что она послужит некоторым дополнением к его очеркам и продолжением его работы» [Мерварт, Мерварт 1929: 3].

С Цейлона начиналось для Мервартов их трудоемкое и насыщенное научное путешествие по региону, здесь они впервые выработывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде и способы сбора полезной информации и коллекций для музея [Котин, Краснодембская, Соболева 2013]. Л.А. Мерварт писала в дневнике 12 июля 1914 г.: «Мы учимся оба сколько можем. Герман изучает буддизм, пали, тамильский языки, а я — сингальский язык и собирательно этнографию. Дни у нас полные, радостно счастливо-рабочие» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 17]. Сингальскому языку учил г-н Дхармаратна (Mr. Dharmaratna) [Там же. Л. 24].

Остановившись сначала в Коломбо, Мерварты сразу же приступили к интенсивной работе. Они начали изучать местные языки: она — сингальский, язык основного населения острова, он — тамильский, принадлежащий второй по численности этнической группе в национальном составе страны. Сразу же бросились им в глаза следы колониального присутствия — португальцев, голландцев, за которыми последовали и британцы. Оставленные ими заметки и теперь полезны для тех, кто изучает историю, этнографию острова, в частности метисное население

страны [Мерварт, Мерварт 1929: 5–9]. Однако основное внимание они собирались уделить коренному населению: «Мы продолжали наши поиски настоящего Цейлона. Даже в Коломбо, который вот уже четыреста лет находится под влиянием европейской цивилизации, не совсем заглохла первобытная культура этого острова. Глаза наши постепенно привыкли к пестрой толпе колумбских улиц и различали уже главные типы населения» [Мерварт, Мерварт 1929: 9].

Подробным и внимательным образом Мерварты ознакомились с богатыми коллекциями Национального музея в Коломбо, где сосредоточены археологические и этнографические материалы, характеризующие историю и культуру живущих на острове народов [Краснодембская 2013]. При этом они фотографировали самые интересные предметы и составили богатую фототеку из позитивов и негативов, которые позже были доставлены в МАЭ и хранятся там поныне. Им пришлось изучать ресурсы музея самостоятельно, поскольку директор Джозеф Пирсон был биологом, бюргер-библиотекарь также помочь не мог. Пирсон нашел для Л.А. Мерварт слугу Тагис-Аппу (Thagis-Apoo), «толкового, думающего человека» лет 34 из высшей касты земледельцев-*goyiguma* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 35]. Б.П. Кадомцев несколько раз доставал приглашения Мервартам на балы к губернатору, они получили рекомендательные письма к правительственным агентам, были представлены местной знати [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 22]. Их гостеприимством им не раз довелось воспользоваться. По острову Мерварты передвигались на автомобиле, поезде, на лошадях и даже на повозке, запряженной быками.

Напряженную работу в музее Мерварты совмещали с постоянными поездками по прибрежным городам и селениям, с выездами к памятникам древней культуры островитян [Котин 2015]. И с самого начала вели собирательскую работу. Они старались выделить и приобрести то, что типично, наиболее характерно для местной жизни и культуры. Их интересовали многие аспекты: материально-бытовой уклад, ремесленные традиции, соци-

альные нормы, мировоззрение и религия, верования и фольклор. 11 мая 1914 г. в Нугегода (8 миль от Коломбо) Альберт Джаясинха, Мерварты и Б.П. Кадомцев наблюдали демонические пляски [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 25].

В 1914 г., 8 июня, Нанисера Тхера (Naniserā Thera), главный монах колледжа Малигаканда (Maligakanda College), пригласил Мервартов в Галле на церемонию освящения земли, жертвовавшей под постройку конфессионала для монахов одного из монастырей. В Додандува (Dodanduwa) они познакомились с группой европейцев-монахов под руководством гуру-немца [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 18]. Из-за невралгических болей, мучивших Германа Христиановича, 30 июня они уехали в Канди. 3 июля они побывали в г. Матара, 4 июля — в г. Калутара, где впоследствии заказали коллекцию изделий тонкого плетения из пальмовых листьев (МАЭ № 3078), оттуда отправились в г. Нобода по приглашению г-на Доува (Mr. Dove), владельца плантации чая и гевеи [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 46. Л. 19–22]. В Негомбо крупный землевладелец мудальяр¹ Раджапаксе (Rajapakse) обещал составить для МАЭ полную коллекцию по использованию кокосовой пальмы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 19].

К сожалению, первые четыре ящика, содержавшие маски, инструменты ремесленников и многое другое, отправленные 13 июля 1914 г. в МАЭ почтой, затерялись в пути из-за войны. Цейлонские экспонаты составили серьезное пополнение фондов МАЭ, о чем упоминалось ранее и будет сказано в дальнейшем [Краснодембская 1983].

Очень скоро наши исследователи почувствовали, что «добраться до глубин» народной культуры совсем непросто. Во-первых, они быстро заметили, что жители Коломбо и других городов и селений на юго-западной равнине, где они поначалу вели работу, заметно изменили свой традиционный быт, во многом пере-

¹ Mudaliar (тамил.) — «староста», титул и должность колониального периода на Цейлоне.

няли и стремятся перенимать европейские обычаи. В книге «В глуши Цейлона» Л.А. Мерварт сообщает: «Сингальцы² города Коломбо в значительной степени европеизированы, они даже дома стараются жить по-европейски. Часть города, особенно ими облюбованная, называется Коллупития. Это прежний голландский квартал. Беленькие домики, каждый в отдельном саду, с террасой, с колоннами, с цветником впереди, напоминает обычную голландскую постройку. Внутри много голландской тяжелой мебели, попадаются даже отдельные португальские вещи XVII столетия, и живущие в этой европейской обстановке люди привыкли пользоваться креслом и диваном, держать посуду в буфетах, есть с фарфоровых тарелок, даже умываться в тазах из синего дельфта. <...> Женщины носят белые блузки с круглым вырезом, застроченные в складочки и отделанные кружевами и швейцарским шитьем. <...> В деревнях приморской измененной полосы сингальское тесно перемешано с тамильским, голландским, португальским, теперь и английским. Страна эта очень богата, и все завоеватели последовательно оседали в ней» [Мерварт, Мерварт 1929: 9, 27].

Во-вторых, нашим этнографам все же не удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести не только официальные контакты. Это, как мы знаем, не такая уж простая задача для этнографа, даже если он работает в своей родной этнической среде. В восточном же обществе проблема установления доверительного контакта с местными жителями многократно увеличивается.

В обществах Южной Азии, как в Индии, Непале или других странах, так и в Шри Ланке, почти все жизненные задачи и проблемы индивида находят разрешение в семейно-родственном кругу. В частности, кастовая система, которая так или иначе проявляет себя в этом мире, способствует тому, что отдельные ячейки общества (этнические группы, касты, родственные образова-

² Теперь принято употреблять слово «сингалы», более близкое к самоназванию этого народа.

ния) достаточно замкнуты. Все богатство отношений и связей реализуется в их внутреннем кругу, внешние же контакты ограничены, подчинены строгим правилам, сдержанны и по большому счету формальны. Тут барьеры малопреодолимы, тем более для чужака-иностранца. Мерварты ощутили это в полной мере.

Вскоре российские этнографы обратили внимание на центральную, горную область Цейлона. Когда стало «ясно, что искать родовое сингальское в Коломбо было напрасно», Мерварты стали помышлять о поездке в горный город Канди. Это один из старинных центров культуры сингалов, последняя столица их царства, удерживавшего свою независимость до 1815 г. Сами прибрежные сингалы отправляли их туда, считая, что там сингальские традиции сохранились в большей чистоте. На многие вопросы наших этнографов жители прибрежной зоны отвечали: «Об этом надо спросить кандийцев. У нас уже приняты английские обычаи» [Мерварт, Мерварт 1929: 27].

В 1914 г., 22 августа, Мерварты посетили деревню Ампития близ Канди. Их пригласил г-н Пуссегода, семья которого оставалась жить в деревне [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 31]. Он познакомил Мерватов со своим шурином г-ном Сенавиратне (Senaveratne), специально изучавшим вопросы буддийской философии [Там же. Л. 34]. Джон Сенавиратне помог Л.А. Мерварт в изучении народных верований. 22 августа Л.А. Мерварт пишет в дневнике: *«Я должна записывать ряд разговоров с местными людьми. Я спрашиваю буддистов не монахов, что они думают о разных религиозных вопросах, и ответы их буду заносить сюда. Из их ответов, конечно, будет вытекать нечто совсем другое, чем то, чему учил Будда, но лично меня живая религия интересует едва ли не больше (во всяком случае не меньше), чем доктрины Учителя. Ведь душа, характер народа отражается в живой вере, в высокой же философии Будды проявляются лишь вершины, которых достигают немногие лучшие умы, выдающиеся представители религиозной мысли. Масса же народная идет иной дорогой. Почему мне так важна эта дорога?»*

Как религия кладет свой отпечаток на человека и воспитывает его, так и человек предлагаемое ему учение выкраивает и отделяет так, чтобы оно ему пришлось бы впору, и на этой обработке выявляется душа народная. И в свою очередь эта претворенная, часто низведенная со своих высот, нисколько, быть может, даже не напоминающая основное учение религия вливается широкой струей в народное мировоззрение и изменяет его русло. Поэтому-то знать ее нам так важно для понимания страны и людей» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 26–28].

Из Канди Мерварты уехали 23 сентября 1914 г., они отправились в путешествие по археологическим памятникам Цейлона (храм Алувихара в Матале, пещерный храм Дамбулла, крепость Сигирия, древние столицы Полоннарува и Анурадхапура, колыбель буддизма Михинтале). Г.Х. Мерварт сделал там серию снимков [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 39–52].

Но мало было просто переместиться географически. Людмила Мерварт сознавала, что нужно обрести особое доверие в местной среде. Она писала по этому поводу: «Когда я ехала на Цейлон, мне казалось так легко подружиться с возможно большим числом сингалцев, познакомиться с их бытом, принимать участие в их жизни, наблюдать и расспрашивать. Притом было совершенно ясно, что так как хранителями старины являются обычно женщины, то именно к ним и надо обращаться. Поэтому с первого же дня приезда все время старалась встречаться с сингалками. Но тут-то и начались мои затруднения. <...> Я могла встречаться с мужчинами, сколько мне было угодно, я могла иметь учителя сингальского языка, секретаря, слугу; я могла встречаться с разными чиновниками, торговцами, но женщин я видела на улицах, на порогах их домов, познакомиться же с ними я не могла, так как не могла ни одну из них шокировать тем, что подошла бы к ней сама» [Мерварт, Мерварт 1929: 27, 29]

Это происходило вовсе не потому, что сингальская женщина скрывается от внешнего мира. Но, в самом деле, ее епархия — преимущественно домашняя среда, внешние необходимые контакты обычно осуществляют мужчины дома. Так оно и теперь:

взять газеты от почтальона, узнать, с какой целью появился у дома незнакомый посетитель, обычно выйдет мужчина, хотя бы мальчик, и только в последнюю очередь кто-то из женщин. Это все еще проявление древней коренной функции: мужчина — защитник, охранник семьи, дома.

Людмила Мерварт свидетельствует: «Кандийка отнюдь не прячется, у них совершенно не существует затворничества. Даже по древнему сингальскому обычаю женщина гораздо равноправнее с мужчиной, чем до недавнего времени были ее английские сестры, но европейцев они чуждаются. Когда же у губернатора я познакомилась с разными вождями и их женами <...> то некоторые из этих дам пригласили меня к себе и принимали меня в убранных на совершенно европейский лад гостиных, угощали чаем из английских фарфоровых чашечек и бисквитами фирмы Huntley and Palmers. Они задавали мне стереотипные вопросы и старались держаться как настоящие англичанки. Впрочем, я видела, что гостиные эти обычно необитаемы и что хозяйки чувствовали себя в них неуютно. Когда они приезжали ко мне <...> то это тоже получались заправские визиты, и я увидела, что мне нужно идти другим путем» [Мерварт, Мерварт 1929: 29].

Л.А. Мерварт понимала, что ей нужно попасть в местную семью, причем не городскую, а деревенскую. Но кого она ни спрашивала из своих английских знакомых о том, как этого добиться, все отвечали, что это совершенно невозможно, что сингалы горды и осторожны и контакты их с чужаками не выходят за рамки формальности и официоза. А если их и приглашают в дом, то обычно не дальше веранды. И наш этнограф стала придумывать собственные средства достижения необходимой цели: она стала спрашивать своего учителя, каков у них свой, сингальский обычай приема гостей.

И вот, разузнав у этого знакомого подробности о местных обычаях гостеприимства и правилах приема гостей, Л.А. Мерварт начала с того, что пригласила к себе его жену и мать. Постаралась соблюсти все этикетные моменты: при встрече поднесла гостям блюдо со срезанными цветами, и дамы, взяв по цветку,

украсили ими свои прически. Говорила с ними на сингальском языке (впрочем, женщины никакого другого и не знали). Почтив гостей цветочным подношением на веранде, она тут же пригласила их внутрь дома, угостила их чаем с собственноручно приготовленными по-русски вареньем и пирожками. Таким образом, она проявила особое уважение к гостям и показала, что живет по собственным, не английским, обычаям. Прощаясь с дамами, снова на веранде, она осуществила жест магического благопожелания по-сингальски: вложила каждой из них правой рукой в правую руку по круглому плодику местной разновидности лимона (символ благополучия и процветания). Проявление подлинного уважения, знание их языка и обычаев произвело на гостей Л.А. Мерварт такое впечатление, что уже через два дня они пригласили ее к себе в свой городской дом. И принимали уже не на веранде, а в комнатах, и угощали не чаем и бисквитами, а кокосами, рисом и какао (модный тогда у сингалов напиток). Так, полдела было сделано — установлен неформальный контакт.

Вскоре последовало еще более теплое проявление внимания и заботы: Г.Х. Мерварт должен был на пару дней уехать в Коломбо к русскому купцу Ивану Степановичу Верещагину, а Людмила Александровна, «как всякая почтенная сингалка, не хотела оставаться одна в гостинице» [Мерварт, Мерварт 1929: 30].

12 октября 1914 г. она *«переселилась в сингальскую семью, чтобы жить их жизнью и видеть близко уклад ее. <...> Живу одна в сингальской семье. Комната пять шагов вдоль, 3 с половиной поперек выходит своим окошечком на “улицу”, т.е. в маленький палисадничек. Противоположная сторона улицы не застроена, там рисовые поля, за ними горы, поросшие лесом. Вид очень красивый. За домом тянется громадный, но совершенно запущенный сад.*

Mr. Pusssegoda живет, разумеется, не грошовым жалованием клерка в Kachcheri³. Он землевладелец, у него плантация какао,

³ Kachcheri — главный правительственный департамент, управлявший районом.

кокосовые пальмы etc. Жена его тоже состоятельная женщина. Дом в Ампитиуа около Канду, где я живу у них, принадлежит ей. У них трое детей. Два сына от его первого брака и маленькая дочка. Я приехала в 8 час. вечера. К обеду был какой-то растительный суп из целебных трав и карри. Кроме того был кузен Mr-a Pussegoda, инспектор школ. Беседовали о войне. С M-me Pussegoda я попробовала болтать, пользуясь словарем (англо-сингальским). Это возможно, но очень медленно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 70–71].

Еще один важный момент: исследовательница четко позаботилась о том, чтобы не нарушить местных этических норм — это всегда чрезвычайно важно. Чужаку многое простят, но неподобающее по местным понятиям поведение будет отмечено окружением и, несомненно, вызовет отторжение. Дружить с таким не захотят. А правильная линия поведения (достойная одежда, достойные поступки) может завоевать расположение. Так и произошло в описываемом случае: на время отсутствия ее мужа знакомые теперь дамы пригласили Людмилу Александровну погостить у них в деревне. Это была настоящая победа!

В то время еще не был построен мост, благодаря которому теперь путь от Канди в деревню Ампитиуа стал длиной примерно в четыре-пять километров. Тогда это была сельская дорога, проходившая через джунгли, раза в два длиннее, и преодолевала ее Людмила Александровна на рикше. В пути она размышляла, как бы так устроить, чтобы пожить деревенской жизнью не пару дней, а подольше... Обстоятельства ей благоволили: произошли некоторые мелкие события, которые в местной среде рассматриваются как хорошие приметы. Сначала со склона у дороги сползла кобра, напугавшая возницу, но не нашу путешественницу, которая, наоборот, приблизилась к еще невиданной ею твари, чтобы получше ее рассмотреть. А та, не причинив никому вреда, вскоре уползла обратно в лес. Рикша потом живописал селянам, как царица джунглей вышла «принести покорность» приезжей и не посмела пересечь ей дорогу. Это про-

извело впечатление⁴. Затем ласточка свила гнездо под карнизом комнаты гостьи (не без некоторых ее ухищрений в виде предложения птичкам нащипанной ватки и соломки), что тоже считалось особым положительным знаком. Когда же Людмила Александровна излечила маленькую девочку из семьи хозяев дома от тяжелого нарыва, все убедились, что путешественнице покровительствуют добрые силы. Так что ее присутствие в деревне могло рассматриваться как благое. Через несколько дней она телеграфировала мужу в Коломбо, что остается в деревне на несколько месяцев [Мерварт, Мерварт 1929: 33].

Заняв, таким образом, твердое положение «члена семьи», Людмила Александровна с самого начала стала участвовать во всех семейных делах и заботах, которые приходились на долю женщин. «Большая часть жизни дома протекает днем, когда мужчины уходят на службу и в школу, в кухне и сенях, а также в саду около дверей в сени. <...> Каждое утро двое мальчиков-слуг выносили на эту площадку большую деревянную ступку, в которой они и все мы, четыре женщины дома, по двое вместе толкли тяжелым деревянным пестиком потребное на день количество риса» [Мерварт, Мерварт 1929: 35]. Участие в повседневных работах как раз и способствовало получению этнографической информации, так как «именно за работой больше всего и проще всего удавалось беседовать» [Там же: 36]. Людмила Александровна научилась готовить местные блюда так успешно, что ее ставили в пример молодой женщине, незадолго до того вышедшей замуж в эту деревню. И, конечно, она преимущественно общалась с местными жителями на их языке, постоянно в нем совершенствуясь.

Семья, пригласившая Людмилу Александровну в гости — Пуссегода [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224] (в книге они названы Велигодами), занимала в той деревне лидирующее положение. Пуссегоды были семьей обеспеченной и, в частности, не обрабатывали своих земель сами, в отличие от других деревенских

⁴ Этот рассказ Л.А. Мерварт позже, в Москве, произвел впечатление и на коллег-востоковедов [Можейко 1966].

жителей, которые самостоятельно выращивали рис для своих семей. Пуссегод уважали, приходили к ним за советом и конкретной помощью. На их веранде вечерами собирались для бесед, обсуждения текущих деревенских дел, видов на урожай, местных происшествий, текущей войны, для беседований на религиозные темы, а также для коллективного слушания сказок. Дом, обычно в дневное время, как положено, посещали и монахи из соседнего монастыря, их принимали во внутренних помещениях. Они вступали в беседу с Людмилой Александровной, любопытствуя, как она заинтересовалась буддизмом, сами интересуясь и спрашивая ее о христианстве. Так что этнографические труды нашей исследовательницы прекращались только на время ее сна.

Несколько месяцев, проведенных на правах своей в деревне Ампития, дали очень важные результаты в работе. Удалось узнать, как устроен деревенский и домашний быт, как распределяются социальные роли в деревне, в деталях описать устройство традиционного жилища, в частности своеобразное устройство кухни, предметов домашнего обихода, традиций питания — все по конкретным наблюдениям. Большое внимание было уделено важнейшим ремеслам — гончарству и плетению, так как без предметов этого типа не обходится ни один сингальский дом.

Людмиле Александровне предоставили комнату, выходящую непосредственно на веранду, которая «видимо, служила кабинетом хозяину, поэтому в ней был простой большой деревянный стол, такой же стул и лавка. Одно окно выходило в палисадничек на улицу, на ночь оно закрывалось тяжелыми деревянными ставнями снаружи. На полу лежала чистенькая циновка, плетенная из широких полосок пальмовых листьев. Я поставила еще складную походную койку с пологом от москитов, а свое складное кресло оставила на террасе, зная, что она обычное место вечерних собраний деревни» [Мерварт, Мерварт 1929: 34]. Маленькая хитрость этнографа вполне себя оправдывала: ни одно из более или менее важных событий в доме не могло пройти мимо нее.

Очень важно само подробное описание устройства типичного сингальского дома, которое во многом сохраняется и теперь,

хотя отчасти варьируется. Особенно интересны подробности о характерной мебелировке: Л.А. Мерварт первая обратила внимание на такую черту сингальского быта, как присутствие значительного количества мебели европейского типа (влияние европейского присутствия на острове начиная еще с португальских ремесленных традиций).

Людмила Александровна детально описала потребительную домашнюю утварь и посуду, тоже впервые в европейской науке выявив ее основные типы и функции. Выявленные типы традиционной глиняной утвари Мерварты проиллюстрировали собранными для МАЭ коллекциями, сопроводив эти сборы описанием наблюдавшейся ими технологии их изготовления. Ценно также свидетельство о традициях парадной расписной кандийской керамики, коллекцию которой им также удалось собрать [Краснодембская 1969]. Важны сообщения о том, как используются плетеные изделия разного тапа, что тоже проиллюстрировано собранными коллекциями [Краснодембская 1973].

Именно здесь, в деревне Ампития, где Л.А. Мерварт жила с 12 октября 1914 по 16 января 1915 г., и во время двухнедельного путешествия по провинции Сабарагамува [Мерварт, Мерварт 1927: 5], ей удалось подробнее изучить традиции одежды, питания, бытовых привычек сингалов — эти сведения очень ценны для их исторической этнографии, так как они мало фиксировались какими бы то ни было свидетельствами и источниками.

Значительную долю внимания Людмила Александровна уделила изучению конкретных отношений мирян и монахов в реальном жизненном процессе, их взаимодействия в различных сферах — от собственно религиозной до мирской. Описала их роли, этикет общения. Опять же непосредственно, изнутри ей удалось увидеть, как происходит воспитание и образование детей в этой среде. В частности, в контексте привносимых английских традиций школьного обучения.

Л.А. Мерварт первой из исследователей обратила внимание на характерную особенность социальных отношений у кандий-

ских сингалов — высокое положение женщины в их среде, независимый характер сингалок. «С первого же дня меня поразило господствовавшее в доме изысканно вежливое, прямо рыцарское отношение к женщинам. Правда, они делали свою работу, но если хозяин, его сыновья или мальчишки-слуги видели, что им трудно что-нибудь поднять или поставить, то сейчас же бросались им на помощь. <...> Кроме того, бросался в глаза вежливый почтительный тон, употреблявшийся мужчинами по отношению к женщинам. Уже через несколько дней я убедилась, что это распространённое среди кандийцев явление; недаром титул замужней женщины — меникэ (драгоценность). Среди кандийцев редко можно услышать даже грубое слово по отношению к жене» [Мерварт, Мерварт 1929: 37].

Также впервые Людмила Александровна выявила и описала традиции сингальских брачных отношений, прежде всего существование патрилокальной и матрилокальной форм брака (*дига* и *бини*), причем распространённость второй из форм значительна. В частности, в семье, где она жила, хозяин дома был примакком — мужем наследницы дома. Интересно, что та же картина наблюдалась нами в этой семье и через сто лет. Отмечено ею было и существование (в пережиточном виде) в сингальской среде редкой нормы брака — полиандрии, а также — в основном в высших сословиях — полигамии. Сообщены главные сведения о правилах наследования.

Описаны и процессы сельскохозяйственного труда, выращивания риса, создания террасированных полей. При этом сообщаются и некоторые народные приметы, суеверия и табу — то, что, конечно, лучше узнается, когда ты находишься в гуще народной жизни.

Изучая местный буддизм, в том числе и в этой деревне, Мерварты выявили существование ярких народных культов — астрологического и демонического. А вечера, проведенные Людмилой Александровной на веранде, где собирались на беседы чуть ли не все жители деревни, позволили ей познакомиться и с местным фольклором.

В январе 1915 г. Л.А. Мерварт путешествовала по провинции Сабарагамува. В разных деревнях она беседовала и с мужчинами, и с женщинами, подробно записывая их ответы по-русски. Постепенно в ее рабочей тетради начинают преобладать тексты на английском языке, причем некоторые фрагменты записаны рукой Г.Х. Мерварта и Дж.М. Сенавиратне. Всего записано 56 текстов. Л.А. Мерварт встретила сказочника, «рассказывающего сказки во время жатвы», и зафиксировала тексты о богине Паттини. Записи на сингальском языке из ее дневника [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 147] вошли в ее статью о Паттини-деви [Meerwarth-Levina 1916–1917].

Работа Мервартов на Цейлоне прерывалась их поездками на юг Индии, однако, возвращаясь на остров, они продолжали поддерживать деловые и дружеские отношения со многими своими знакомыми, помощь которых была очень ценной для них. И вновь обращались к активной собирательской работе, пополняя цейлонское собрание вещевыми, иллюстративными, книжными коллекциями, накапливая разнообразную научную информацию.

Как уже отмечено, военное положение привнесло трудности в исполнении экспедиционных планов, удлинило сроки путешествия, сократилось финансирование. Не слишком благосклонно смотрели на наших исследователей британские колониальные власти. Вот как писали об этом сами участники экспедиции: «Англичане стали косо смотреть на нашу исследовательскую работу и заподозрили нас в шпионстве, подстрекательстве местного населения и прочих страшных замыслах против британской администрации, которые, разумеется, были сплошь плодом испуганного воображения и неспокойной совести колониальных властей. Нас, мирных этнографов, подвергли форменному обыску и грозили нам даже арестом» [Мерварт, Мерварт 1929: 39].

Сама переписка с музеем стала затрудненной и нерегулярной. Но Мерварты все равно принялись за дело. В редких письмах с берегов Невы их подбадривали: «Собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом!» — писал им Л.Я. Штернберг 1 сентября 1914 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446].

2.2. Маршрут экспедиции Мервартов в Индии: 1915–1918 гг.

Об индийской части экспедиции МАЭ мы знаем из опубликованного отчета А.М. и Л.А. Мерварт, из их переписки с дирекцией МАЭ, отдельные сведения мы находим в ряде документов из петербургских и московских архивов, из публикаций Мервартов. Многие подробности содержатся в материалах их показаний по так называемому «Академическому делу» (сейчас хранятся в Архиве УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Эти сведения обрывочны, но в целом дают достаточно информации о маршруте экспедиции и ее основных результатах.

Планы этой части экспедиции формировались долго, наметки своего индийского маршрута Г.Х. Мерварт излагал еще в письме из Мюнхена В.В. Радлову от 22 июня / 9 июля 1913 г.

В конце января 1915 г., согласно одобренному дирекцией МАЭ плану экспедиции, супруги Мерварты переехали в Южную Индию — в Мадрасскую провинцию. Они добирались в Индию на поезде и пароме через Данушкоди и Талайманнар. С крайнего юга Мерварты ехали на поезде до Мадраса. В состав Мадрасской провинции — тогдашней огромной провинции Британской Индии — входили земли, населенные тамилами (нынешний штат Тамилнаду), телугу (значительная часть современного штата Андхра-Прадеш), малаяли (север современного штата Керала). Мадрас был старой крепостью англичан, вокруг которой возник так называемый «Белый город», или кантонмент, населенный европейцами, и «Черный город», или «туземное поселение», где проживали индийцы. Мадрас славился комплексом так называемых «Государственных музеев»⁵ и библиотекой при них (Government Museum, или Madras Museum).

⁵ Иногда встречается наименование «Правительственный музей» в единственном числе. Это комплекс из нескольких музейных зданий, библиотеки и театра.

Еще в 1908 г. начался обмен изданиями между МАЭ и Мадрасским музеем. Его суперинтендант⁶ Эдгар Тёрстон⁷ (Edgar Thurston) 28 января 1908 г. ответил согласием на предложение МАЭ начать обмен изданиями. МАЭ хотел получать «Бюллетень Мадрасского государственного музея» («The Bulletin of the Madras Government Museum») в обмен на публикации МАЭ на русском и немецком языке (были отправлены «Сборники МАЭ», т. 1–6, и юбилейная публикация). 26 марта 1909 г. из Мадраса была получена книга Э. Тёрстона [Thurston 1906] «Этнографические очерки Южной Индии» (Thurston, Edgar. *Ethnographic Notes in Southern India*. Madras: Government Press, 1906) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 75. Л. 55, 58, 96]. От Антропологического общества Бомбея на таких же условиях 26 декабря 1910 г. получен «The Journal of the Anthropological Society of Bombay» т. 6–7, в обмен отправлены «Сборники МАЭ» т. 1–8 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 75. Л. 134, 154].

В Мадрасском музее была собрана богатейшая коллекция по этнографии и археологии юга Индии. Однако квалифицированных этнографов (этнологов) и антропологов в музее не хватало. По заведенной в эту эпоху в Британской империи традиции главную роль в жизни музея играли ученые-естественники. Суперинтендант музея д-р Джон Роберт Хендерсон (в документах Мервартов — Гендерсон⁸) был зоологом, его помощник — г-н Нарасимха Рао (Narasimha Rao) — ботаником [Мерварт, Мерварт 1927: 7]. Однако эти ученые сердечно встретили россиян и пошли навстречу их пожеланиям, разрешив им изучение этнографи-

⁶ Superintendent (англ.; суперинтендант) — лицо, которое контролирует или руководит работой, предприятием, учреждением, организацией, округом и т.д.; руководитель.

⁷ Тёрстон Эдгар (Edgar Thurston, 1855–1935) — британский медик, антрополог, суперинтендант (директор) мадрасского Государственного музея (1855–1908).

⁸ Хендерсон Джон Роберт (John Robert Henderson, 1863–1925) — британский зоолог, назначен после Э. Тёрстона верховным суперинтендантом (1908–1920) мадрасского Государственного музея.

ческих коллекций музея и съемку наиболее интересных из них. Мадраасский государственный музей подарил для Санкт-Петербургского музея коллекцию керамики [Краснодембская 2009: 244].

Мерварты начали в Мадрасе свою работу с изучения коллекций музея. Так они делали постоянно во всех новых местах, куда приезжали. Они считали, что это сразу давало хорошую краеведческую подготовку. Так они в дальнейшем изучили музеи в Тривандруме, Бангалоре, Калькутте, Сарнатхе и других городах. В мадрасском Государственном музее им много помогал хранитель ботанических и этнологических коллекций Нарасимха Рао.

Мерварты стремились к контактам с местными учеными. Они считали, что только совместная работа с местными специалистами может по-настоящему открыть «много сторон быта, которые европейцам, даже знакомым с местными языками и обычаями, были бы непонятны или остались бы для них незамеченными» [Мерварт А.М. 1927г: 127].

В Мадрасе ученые работали при музее до апреля — до наступления жаркого сезона. За это время была собрана интересная коллекция, которую поместили в 92 ящика. Когда Мерварты были вынуждены покинуть Мадрас, чтобы продолжить этнографические сборы в других городах, они договорились с дирекцией музея о хранении на его складе этих и новых коллекций, поступление которых ожидалось. Ящики с коллекциями были помещены в комнату с бетонным полом, что обещало их большую сохранность. Позднее ящики перенесли в комнату с земляным полом, и многие экспонаты пострадали от белых муравьев (термитов) [Мерварт, Мерварт 1927: 7]. Отметим, однако, что многие ящики были обиты изнутри цинком, так что все-таки велика была доля сохранившихся экспонатов, но жестоко пострадали книги и фотонегативы, хранившиеся в музее не в таких надежных условиях. Сами Мерварты считали, что утрачено 40 % коллекций. При этом собранные Мервартами каменные изображения змей из Траванкора, вероятно, даже не были переупакованы сотрудниками Мадраасского музея и пропали. Через сто лет

участники экспедиции по следам Мервартов Е.С. Соболева и И.Ю. Котин видели эти изображения в антропологическом собрании Государственных музеев Ченнаи. Вообще время и обстоятельства не щадили ни самих исследователей, ни собранного ими, но то, что удалось собрать, поражает!

В период работы в Мадрасе Мерварты выработали дальнейшую тактику исследовательской деятельности. Они определили, что тамилы, их языком и культурой будет заниматься Г.Х. Мерварт, а Л.А. Мерварт уделит большее внимание соседней территории, населенной народом малаяли (малаяльцами) современной Кералы. При этом особое внимание предполагалось уделить изучению «городского и сельского быта тамилы и малаяли», в особенности изучению «народных культов, народного театра», а также ознакомлению «с рядом примитивных племен» [Мерварт, Мерварт 1927: 8]. Из Мадраса исследователи предприняли краткое путешествие в центры дравидийского индуизма — Чидамбарам, Кумбаконам, Танжор (Танджавур), Тричинополи (Тируччираппалли), Шрирангам. Затем в апреле-мае ученые прибыли в Пальнийские горы (Palani hills). В этом высокогорном месте было легче переносить жару, к тому же там находилась усадьба местного помещика господина Раманатхана (у Мервартов в документах — Раманатан), который любезно пригласил к себе россиян. Затем исследователи отправились в местечко Кодаиканал (Кодаи-Канал), далее — в Шембаганур. Вблизи последнего Мерварты наблюдали жизнь лесного племени палиян⁹.

Из Кодаи-Канала Мерварты ненадолго вернулись на Цейлон, но обстановка там оказалась крайне неблагоприятной — 28 мая 1915 г. начались антиправительственные выступления среди сингалов, Мерварты какое-то время работали вновь в Музее Коломбо, но до удаленной местности Сабарагамува, где предполагали

⁹ Палиян (Paliyan, Palaiyar, Pazhaiyarare) — представители малого народа, проживающие в горных лесах в штатах Керала и Тамилнаду. Занимаются охотой и собирательством. Говорят на дравидийском языке, близком тамильскому. Относятся к числу зарегистрированных племен.

собрать интересную коллекцию, они добраться не смогли из-за сезонных дождей, а общая беспокойная обстановка на Цейлоне заставила их вернуться в Мадрас. Вероятно, еще одной, кроме научной, целью посещения Коломбо была попытка получить там часть ассигнованных экспедиции средств через российского консула Б.П. Кадомцева. Ситуация с первых дней Первой мировой войны сложилась непросто, ученые испытывали проблемы с финансированием экспедиционных закупок да и вообще с самим существованием на юге Индии. Через Российское консульство в Коломбо велась переписка с МАЭ.

Ученые хотели также получить больше ясности о своей дальнейшей задаче, ведь подходил к концу первоначальный срок их экспедиции — два года. Академия ясности не дала, да и само руководство МАЭ вряд ли имело четкое представление о том, как ученым быть дальше. Почта приходила в Петроград нерегулярно. Телеграммы и денежные переводы достигали Мервартов с трудом. Им пришлось настроиться на максимальную экономию. Частью этой стратегии стало активное использование местного гостеприимства. Ученые охотно останавливались у местных правителей, чиновников, плантаторов, предлагавших свой кров паре образованных и воспитанных европейцев. При этом Мерварты привлекали за небольшую плату или безвозмездно помощников из местного населения и европейцев. Например, один из служащих имения в Шембагануре, француз Леже, сделал снимки племени палиян [Мерварт, Мерварт 1927: 8]. Исследователи писали в дирекцию о желательности награждения добровольных помощников российскими медалями или жетонами МАЭ.

Находясь в стране тамилы, Г.Х. Мерварт тщательно изучал всю доступную литературу по тамильскому языку, истории, этнографии, хозяйству региона. В библиотеке МАЭ сохранились некоторые книги с пометками Александра Михайловича. Е.В. Мозоль выделяет в книжном собрании несколько таких книг по тамильской тематике [Мозоль 2011]. Это, в частности, брошюра с английским переводом тамильских пословиц и поговорок

“A Collection of Tamil Sayings and Proverbs on Agriculture. Madras Department of Agriculture»” (Madras, 1908), а также книга М.С. Айянгара «Тамильские исследования» (Srinivasa Aiyangar M. Tamil studies, or essays on the history of the Tamil people, language, religion and literature. Madras: Guardian Press, 1914).

Подведем итоги начальному этапу пребывания экспедиции МАЭ в Южной Индии. Здесь Мерварты изучали крупнейшие местные народы — тамилы и малайялы, их городской и сельский быт, народные верования и культы, традиционный театр. Они совершили небольшое путешествие по известным на юге индустским центрам. Занимались изучением малых этнических групп и племен. Провели изучение своеобразного семейного и религиозного уклада наяров (малайяльской этнокастовой группы).

По возвращении из короткой поездки на Цейлон Мерварты приступили к изучению быта и обычаев населения Кералы. В то время территория Кералы входила в состав княжеств Траванкор и Кочин, а север этой исторической области — в состав Мадраасской провинции. В Тривандрам отправилась Л.А. Мерварт, стремившаяся особое внимание уделить изучению особой этнокастовой группы малайялы — наяров. Ей «удалось познакомиться с рядом наярских семей, побывать в их домах и изучать наглядно их своеобразный семейный и религиозный уклад жизни» [Мерварт, Мерварт 1927: 9]. Ученые наблюдали в Керале обряды, связанные с праздником Онам — временем почитания праведного царя Баларамы, аватары Вишну.

Кроме того, Л.А. Мерварт изучала в Керале быт парсов и представителей ряда профессиональных каст — музыкантов, массажистов. Л.А. Мерварт в июле 1915 г. находилась в Каликате и стала свидетелем важного события — выступления против англичан местных мусульман-мопла. Мопла¹⁰, будучи мусульманами, нега-

¹⁰ Mappila, Moplahs (малайялам — Мопла, Мопилла, Мапилла) — мусульманская община народа малайялы, а также потомков арабов и принявших ислам индийцев в Южной Индии (штат Керала, регион Малабар), возникла в VII–IX вв. н.э. В начале XX в. в основном занимались

тивно восприняли вести о войне Британии против Османской Турции, султан которой номинально считался халифом — главой всех правоверных мусульман. Антианглийские настроения проявились в их нападениях на любых европейцев в Каликате (ныне — Кожикоде). К счастью, русская исследовательница не пострадала.

Г.Х. Мерварт в июле 1915 г. находился в Мадрасе, занимался изучением тамильского языка под руководством выдающегося специалиста по южноиндийским языкам пандита¹¹ Махамохпадхья¹² Субраманья Айара (Subramanya Ayar). Там Г.Х. Мерварт занялся переводом с тамильского языка классического произведения буддийской традиции «Манимехалей»¹³. Затем Мерварты переехали в Мадур (современный Мадураи), где провели время с августа по начало ноября 1915 г. в доме гостеприимного землевладельца Р. Фаукса (Ffoulkes)¹⁴, подружившегося с Мервартами и уже предоставившего им кров в Шембагануре. Исследователи хорошо изучили храмовый город Мадураи, известный своим святилищем богини Минакши (Парвати, супруги Шивы), а также совершили ряд поездок в окрестные деревни, где наблюдали местные обряды.

Пребывание в Мадураи, старинном центре тамильской культуры, оказалось плодотворным. Здесь ученые изучали жизнь тамильских брахманов и купцов (четти), фотографировали их жи-

земледелием, рыболовством, были моряками и носильщиками.

¹¹ Pandit (санскрит. «пандита», «ученый») — в Индии почетное звание ученого брахмана, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите.

¹² Mahamahopadhyaya (санскрит — «величайший учитель») — почетный титул был введен британским правительством в Индии для выдающихся ученых-махопадхья.

¹³ “Manimekalai” — произведение поэта Читилаи Чатанара (Chithalai Chathanar), одно из пяти великих эпосов тамильской литературы. Стоит из 30 песен.

¹⁴ Р. Фаукс интересовался флорой и фауной Индии и выявил несколько новых видов. См.: [Foulkes 1904].

лица, одежду, украшения. Собрали несколько коллекций. Здесь же Г.Х. Мерварт завершил начатый им ранее перевод тамильской средневековой поэмы «Манимехалей» под руководством другого пандита — Гопала Кришна Айера¹⁵.

В Мадураи их застала острая эпидемия холеры, которая особенно свирепствовала в бедных кварталах. Больница была только одна, и из персонала там осталась лишь одна женщина-врач. Л.А. Мерварт, как истинная дочь своего отца, пришла к ней на помощь и работала сестрой и санитаркой вплоть до конца эпидемии. В Мадураи Мервартов застала весточка Л.Я. Штернберга, обеспокоенного нерегулярностью информации от Мервартов, вызванной военным временем.

Находясь в Мадураи, Мерварты обратились к правительству Мадраасского президентства (провинции) и получили от него разрешение посетить входящие в состав президентства княжества Пудукотта, Кочин и Траванкор в качестве «гостей государства». Это статус позднее Мерварты также получали в ряде других регионов, в частности в Кашмире. Он открывал им возможность дешевого или бесплатного проживания, свободного передвижения по местности. Отметим, что такая свобода действий была у Мервартов не везде и не всегда. В Пудукотта (Пудукоттай) Мерварты встретились с английским резидентом Берном и местным махараджей¹⁶. Они посетили местный краеведческий музей (Government Museum¹⁷), встретились с его руководителем Сома Рао, собрали коллекцию этнографических предметов и лекарственных трав [Мерварт, Мерварт 1927: 10]. Мерварты также побывали в области Четтинаду, в так называемой «стране четти»,

¹⁵ Гопала Кришна Айер (Panditha M. Gopala Krishna Iyer, 1878–1927) — поэт, переводчик, издатель журнала на тамильском языке в г. Мадураи.

¹⁶ Раджа Шри Брахдамба Даса Раджа Сэр Мартанда Бхайрава Тондаиман (Raja Sri Brahdamba Dasa Raja Sir Martanda Bhairava Tondaiman, 1875–1928).

¹⁷ Государственный музей основан в 1908 г. Второй старейший музей в Тамилнаду. Показывает историю династии Тондаиман.

т.е. области, выходцы из которой, представители шудрянской торговой касты четти, успешно занимавшиеся бизнесом, сумели разбогатеть и в родных местах стали строить богатые беломраморные храмы и особняки, свидетельствовавшие об их богатстве. Русские ученые фотографировали самих купцов-четти, их украшения, одежду [Краснодембская 2009: 244].

Далее путь Мервартов лежал в храмовый город Тричур (Тхиссур, Тхриссур), бывший частью княжества Кочин. В Тричуре Мервартов встретил министр махараджи Кочина господин Бхор (Bhore)¹⁸, предложивший им свое гостеприимство. В доме Бхора Мерварты провели три недели. Они познакомились и подружились там с «лучшим знатоком этнографии Малабарского побережья» господином Анантакришна Айером¹⁹. По словам Мервартов, «это был единственный специалист-этнограф, с которым судьба свела нас в южной Индии, да и вообще в Индии» [Мерварт, Мерварт 1927: 11]. Мерварты объездили вместе с Анантакришна Айером окрестности Тричура, «познакомились подробно с укладом жизни браминов намбудури, наяров, а также различных лесных племен (кадаров²⁰, танда пулаян²¹ и др.)». Консультации Анантакришна Айера, автора двухтомника о кочинских кастах и племенах [Ananthakrishna Iyer 1908; 1912], были бесценны. Дружба и переписка с ним сохранялась в течение всего времени пребывания Мервартов в Индии. Российские исследователи не только изучили, но и сфотографировали основные экспонаты краеведческого музея Тричура.

¹⁸ Бхор Джозеф Уильям (Sir Joseph William Bhore, 1878–1960) — англоиндиец, чиновник Индийской гражданской службы, деван (министр) Кочинского княжества (1914–1919), провел аграрную реформу в княжестве.

¹⁹ Анантакришна Айер (Diwan Bahadur Dr. Lakshminarayanapuram Krishna Ananthakrishna Iyer, 1861–1937) — британский антрополог, первый исследователь племен юго-западного побережья Индостана.

²⁰ Кадары (Kadar) — представители малого народа Кералы и Тамилнаду. Говорят на дравидийском языке, близком малаялам. Относятся к числу зарегистрированных племен.

²¹ В описи коллекции МАЭ № 3098 указано: «каста танда пулаян».

Затем они перебрались в город Кочин-Эрнакулам — столицу княжества Кочин. Из Кочина Мерварты посетили окрестности города, пользуясь автомобилем, мотоциклом и, конечно, лодкой — основным средством передвижения в здешних краях, богатых реками, озерами, протоками и каналами. На Малабарском побережье Мерварты приступили к изучению языка малаялам, близкого к тамильскому. Обратились они и к изучению небольшой общины керальских евреев, живших в Кочине. Исследователи отметили наличие групп «белых евреев», сохранявших европеоидный тип, и «черных евреев», ассимилировавшихся с местным населением. Мерварты осмотрели окрестности Кочина. Для передвижения по Южной Индии они часто «пользовались мотоциклеткой с прицепной коляской, что оказалось очень удобным ввиду отличных дорог» [Мерварт, Мерварт 1927: 12]. В Кочине были изучены местный музей и библиотека. Дальнейший путь шел на юг — в Траванкор и его столицу Тривандрам (ныне — Тируванантапурам, Thiruvananthapuram, столица штата Керала).

В это время Л.А. Мерварт приняла приглашение главы секты назрани мапилла (сирийских христиан) и отправилась в центр южного христианства город Котаям (Коттаям). Она была принята в семьях назрани мапилла как своя, ведь многим догматическим различиям назрани мапилла не придавали значения, считая себя православными христианами, братьями и сестрами Людмилы Александровны по вере. Она использовала время, проведенное в Коттаяме, для изучения местного фольклора, записи народных песен²² назрани мапилла, свадебной обрядности, детских игр, кухонных рецептов [Мерварт, Мерварт 1927: 13]. Судя по отчету, Мерварты уделили в Коттаяме внимание изучению племен, в окрестностях города они изучали быт племени ведаров²³.

²² Представители этой этнокастовой группы в Керале говорят на языке малаялам.

²³ Малаведан (Malai Vedan, Malai Vedar) — малый народ, древнейшее население района Траванкор в Керале и Тамилнаду (Южная Индия). Представители этого народа говорят на дравидийском языке, близком малаялам. Относятся к числу зарегистрированных племен.

Затем наши исследователи направились в Западные Гхаты. Как они писали в отчете, «нашим исходным пунктом для экскурсий в леса Западных Гхатов служили раскинутые на высоте около 1,500 м чайные плантации, где мы жили по приглашению плантаторов. Это дало нам, между прочим, возможность наблюдать своеобразный уклад плантационной жизни. Из Коттаяма мы отправились сперва в Мундакаям — местечко, расположенное у самого подножия Гхатов. Из Мундакаяма мы разыскали селение мала-арайян²⁴. Потом мы поднялись в Пирмэд — центр чайных плантаций. Оттуда мы посетили селение урали²⁵» [Мерварт, Мерварт 1927: 14].

Г.Х. Мерварт встретил в Тривандраме брахмана Ганапати Шастри²⁶, под чьим руководством он продолжил изучение санскрита и приступил к переводу санскритских драм выдающегося древнеиндийского драматурга Бхасы. Г.Х. Мерварт изучил только недавно ставшие известными для исследователей пьесы Бхасы и все 13 перевел на русский язык [Мерварт, Мерварт 1927: 12]. В Тривандраме Мерварты познакомились с автором «Индуистской иконографии» Т. Гопинатха Рао²⁷. Ими были изучены и частично сфотографированы экспонаты местного этнографического музея — Музея Нейпира (Napier Museum). Из Тривандрама после изучения коллекций музея Г.Х. Мерварт совершил ознакомительные поездки в Нагар-Койль, центр культа змей, Сучидрам

²⁴ Малайарайян (Malayarayan, Mala Arayan, букв. «повелители холмов») — малый народ Керала (Южная Индия). Представители этого народа говорят на дравидийском языке, близком малаялам. Относятся к числу зарегистрированных племен.

²⁵ Урали (Urali, Urli, Uraly, Oorazhi, букв. «хозяева местности») — малый народ в Керале (Южная Индия). Представители этого народа говорят на дравидийском языке, близком малаялам.

²⁶ Ганапати Шастри (Т. Gaṇapati Śāstrī, 1860–1926) — махамахопадья (с 1918 г.), санскритский ученый, издатель, первооткрыватель пьес Бхасы.

²⁷ Т. Гопинатха Рао (Т. А. Gopinatha Rao, 1872–1919) — индийский археолог и эпиграфист, первый суперинтендант Археологического департамента Траванкора (1908).

и на мыс Коморин (Каньякумари) — крайнюю южную точку индийского субконтинента, священное место для индусов.

Перед посадкой на пароход в Траванкор Г.Х. Мерварт написал директору МАЭ подробное письмо, в котором дал характеристику проделанной работе и собранным к 7 декабря 1915 г. коллекциям.

«Собрали мы в Мадуре материал для изучения дравидийских культов *Marattal*, *Karuppriswami's Auuapar*, т.е. фигуры, сделанные во исполнение обета, и т.д. Я заказал там же и смотрел за работой модели колесницы, как они употребляются для процессии (стоят 550 руп.). Части такой колесницы имеются у нас в музее. Людмила Александровна с помощью одной брахманской подруги купила целый набор медной посуды, употреблявшейся в брахманском хозяйстве. Мы начали весьма интересную коллекцию (пока у нас 80 штук) т<ак> наз<ываемых> *Tali*. Это украшение, которое во время венчания повязывается женихом (иногда другим членом семейства) на шею невесты. Это самый безошибочный знак касты и во многих случаях единственный. Мы думаем со временем получить полную коллекцию этих *Tali*. Они обыкновенно сделаны из золота, но мы заказываем или из серебра, или из меди и дадим позолотить в Петрограде. У нас также собрана полная коллекция типичных драгоценностей разных каст на восточном и западном берегу Южной Индии (медь позолоченная) (около 110). Со временем мы думаем дополнить эту коллекцию для всей Индии. Кроме того, у нас имеются следующие коллекции:

1. Модели важнейших дравидийских храмов, сделанные из древесины (*Piths*²⁸) (5).
2. Бисерная работа женщин касты *Chetty*²⁹.
3. Танжорская металлическая инкрустация (*swami work*³⁰) (около са. 10).

²⁸ *Pith* (англ.) — сердцевина дерева.

²⁹ *Chettiar*, *Chetti* — название, используемое различными торговыми, сельскохозяйственными и земельными кастами в Южной Индии, особенно в штатах Тамил Наду и Керала.

³⁰ *Swami work* (англ.) — работа свами. Свами (санскрит. «владеющий собой» или «свободный от чувств») — почетный титул в индуизме.

4. Южноиндийские бронзы разной величины (от аршина и ниже) (са. 30–40).
5. Миниатюры на слоновой кости.
6. Рисунки на слюде.
7. Южноиндийская (специально мадурская) деревянная резьба.
8. Деревянные, глиняные и бисерные игрушки.
9. Модели способов орошения и сельскохозяйственных инструментов (восточный берег и племя *Chenchu*³¹) (са. 40–50).
10. Коллекция изделий из слоновой кости (са. 45) (работа трансканкорская и панджабская).
11. Полная коллекция гончарного производства восточного берега (са. 50–60).
12. Доисторическая коллекция (250 предметов). Раскопки дольменов Южной Индии.
13. Типичные ткани, вышивки и т.д. Южной Индии и Панджаба (са. 30).
14. Коллекция так наз. *Bidiri work*³² (металлические произведения города *Bidar* и *Haiderabad*) (са. 40).
15. Полный набор музыкальных инструментов (са. 20).
16. Инструменты и украшения разных племен *Cochin*'а.
17. Предметы, употребляющиеся при *Rija* (богослужении).
18. Коллекция душистых и других гирлянд.
19. Коллекция местных народных лекарств восточного берега [Мозоль 2017].
20. Циновки и плетения.

³¹ Ченчу (*Chenchu*) — малый народ, проживает в штатах Андхра Прадеш, Телангана, Карнатака. Говорят на дравидийском языке. Относится к категории зарегистрированных племен.

³² *Bidri work* (англ.) — работа из Бидара. Речь идет об особом виде декора художественных изделий из металла, которые с XIV в. изготавливались в дер. Бидри в Карнатаке. Эти изделия (*Bidriware*) ценятся как символ богатства, являются популярными предметами экспорта южноиндийского ремесла. Металл представляет собой сплав цинка (94 %, что придает сплаву глубокий черный цвет) и меди (6 %). Изделия инкрустируют серебром.

21. Набор факирских инструментов.

Кроме того, целый ряд небольших коллекций. Одна беда: внешняя жизнь Индуса, в особенности на восточном берегу, очень бедная в смысле обстановки, утвари. Если он беден, то кроме циновки и пары глиняных горшков ничего не имеет. Если он состоятелен, то наполняет свой дом дешевой европейщиной, самым рыночным товаром, платье: кусок материи, завернутый известным способом вокруг бедер. На западном берегу преобладает белый цвет, на восточном — пестрые краски.

Коллекции предметов, конечно, далеко не полные. Мы стараемся собирать везде типичное, и это более или менее удается. Но понятно, что местные музеи давно уже сняли сливки с нашего молока, и это совершенно справедливо. Но чтобы посещающим и изучающим наш музей дать возможность иметь как можно больше материала, мы везде фотографируем самые главные коллекции местных музеев и, где это возможно, частные коллекции. Таким образом, у изучающего, скажем, южноиндийские бронзы перед глазами наша коллекция — далеко не бедная, — дающая полное представление о материале, работе и т.д., и все выдающиеся экземпляры этого искусства, находящиеся в Мадрасском, Коломбском, Пудукоттском, Тричурском и прочих музеях, так же как и в частных коллекциях. Кроме того, негативы являются *Vorarbeit*³³ для целого ряда монографий. Пока у нас таких “предметных” негативов 600. Большинство из них 18×24; они содержат около 3000 предметов следующих категорий:

- Изделия из слоновой кости
- Деревянная резьба
- Золотые и серебряные предметы искусства
- Драгоценности
- Бронзы и прочие металлические изделия
- Индийские картины-миниатюры
- Предметы гончарного искусства
- Оружие

³³ *Vorarbeit* (нем.) — заготовка, подготовительная работа.

— Каменная резьба

— Изделия из других металлов (рог, черепаший щит, шелк и т.д.) [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 3 об. — 5 об.].

Далее он пишет: «Оказалось в большинстве случаев, что никто до сих пор не снимал этих предметов, так что я думаю, что наш Музей будет иметь единственную в Европе коллекцию фотографического материала» [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 5 об.].

В Траванкоре российские исследователи обратили внимание на неизвестное в Европе театральное действо, связанное с религиозными танцами и известное как *катхакали* или *аттакатха*. Мерварты присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров *катхакали* и приобрели полный набор одежды и реквизита. К счастью, эта часть коллекции не пропала в пути и не пострадала при хранении, а была доставлена в МАЭ и сейчас украшает музейную экспозицию «Народы Южной Азии». Нужно сказать, что вообще в Южной Индии Мерварты успешно занимались собиранием коллекций. «Этот край привлекал их сочетанием разных культур — высоко развитой брахманской и своеобразной, иногда почти первобытной — местных племен. Здесь Мерварты приобрели немало интересных коллекций: рыболовные сети, корзины, различные плетеные изделия, разнообразные циновки, модели судов, оросительных сооружений, одежды, а также коллекции, представляющие различные ремесла (резьбу по слоновой кости, кокосовому ореху и др.). Также орудия ремесленников, образцы обуви, игрушки, народные лекарства» [Краснодембская 2009: 245].

Подведем итоги сделанному Мервартами на данном этапе. В конце 1915 г. Мерварты перебрались на Малабарское побережье, освоили малайяльский язык (благо, он родственен тамильскому). И снова они изучают калейдоскоп различных народов, племен, кастовых групп. Собирают предметы быта, описывают фольклор, детские игры, блюда местной кухни. Здесь наши ученые впервые познакомились с неизвестным тогда в Европе видом народного театра — малайяльским *катхакали*. Они посетили

представления театра, сделали фотосъемку их эпизодов, а еще приобрели для своего музея весь набор сложных своеобразных костюмов и реквизита *катхакали*.

Приобретенные Мервартами коллекции по Южной Индии составили ценную часть фондов МАЭ по этой тематике. Среди них богатый набор художественных ремесленных изделий — из слоновой кости (изображения божеств, персонажей «Рамаяны»), из металла в технике «бидри», из сандалового и других пород дерева, бронзовые сосуды и подносы, предметы, вырезанные из кокосового ореха, керамика и др. Очень интересен комплект шаблонов различных орнаментов для резьбы по дереву и слоновой кости. С юга Индии привезены деревянные изображения аватар Вишну, модели храмов, церемониальные «коромысла» (*кавади*), целая коллекция *тали* (подвески — символы замужества), наборы туалетных принадлежностей, благовонные ожерелья. Особого внимания заслуживает коллекция письменных принадлежностей — металлических стилусов и тростниковых перьев — и посуда из мыльного камня для приправ.

В феврале 1916 г. наши исследователи выехали из Тривандрама на плоскодонной лодке и добрались по каналам и лагунам до Эрнаулама, прибрежного городка, сейчас составляющего вместе с находящимся на островах Кочином почти город-миллионник. После непродолжительной остановки в хорошо им знакомом Тричуре Мерварты отправились в Утакаманд в Синих горах (Нилгири). Утакаманд, или Ути, — старинная английская *hill station* («высотная станция»), где европейцы обычно пережидали жару, нестерпимую на равнине. Но Мерварты прибыли туда не в сезон. Их привлекали сами горы Нилгири. В горах проживали представители многочисленных племен, в том числе и такие экзотичные, как тогда, внешне чистые европеоиды с очень своеобразной культурой животноводства, особыми бытом и религией. Кроме того, в Утакаманде были телеграф, банки, почта. Целый месяц Мерварты провели в этом городке, надеясь получить из России часть ассигнованных на экспедицию средств. «Однако ввиду военного положения переводы из Англии в Индию на имя

частных лиц были запрещены, и мы скоро оказались в критическом положении» [Мерварт, Мерварт 1927: 14].

Далеко не все письма и телеграммы Мервартов в Академию наук и обратно доходили до адресатов. В отчете МАЭ за 1915 г. отмечено: «В отчетном году по командировке от Музея состояли Г.Х. Мерварт и Л.А. Мерварт, находящиеся ныне в Южной Индии, где, кроме собирания коллекций, занимаются лингвистическими исследованиями, преимущественно среди дравидийских народов. В этом году ими собрано 60 ящиков предметов» [Отчет о деятельности 1916: 22]. В отчете МАЭ за 1916 г. особо отмечена «командировка Г.Х. и Л.А. Мерварт»: «От них в отчетном году получено всего четыре письма-отчета, сличив которые легко заметить, что значительная часть их писем пропала. Тем не менее удается установить в общих чертах как их маршрут, так и то, что ими сделано, а также получить представление о собранных коллекциях. <...> За два года работы экспедиции, кроме большого и весьма ценного рукописного материала, относящегося к наблюдениям над религией, общественным устройством, кастами и материальной культурой жителей Цейлона и Южной Индии, собраны обширные коллекции, полно и всесторонне, судя по отчетам, представляющие жизнь туземного населения. Подсчитать, хотя бы приблизительно, число предметов не представляется возможным. Можно лишь указать, что ящиков с коллекциями набралось уже 140, фотографий — свыше 2000. Коллекции эти, за невозможностью доставить их в Россию, сданы на хранение в различных городах — Мадрасе, Коломбо, Тричуре, Тривандруме и Александрии» [Отчет о деятельности 1917: 28–31]. Перебои были не только с корреспонденцией, но и с финансированием. Месяцами у Мервартов не было сведений из Петрограда. Консулы рекомендовали им возвращаться домой.

В 1916 г. их командировка окончилась, но Г.Х. Мерварту пришлось бы по возвращении принять участие в войне против Германии, поэтому он с радостью согласился остаться в Индии еще на два года. Ему были отправлены новые документы и свидетель-

ство об освобождении от военной службы [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 175 об.]. В 1916 г. Г.Х. Мерварт в Индии принял православие «для того, чтобы переменить имя и отчество, которое тогда было одиозно ввиду войны с Германией» [Там же. Л. 177 об.].

С учетом продления сроков командировки Мерварты решили продолжить работу по сбору коллекций и изучению индийской этнографии. Но денег на эти цели из России не поступало. Пользуясь возникшими за время пребывания в Южной Индии связями, Г.Х. Мерварт устроился на работу товарищем (т.е. заместителем) директора отдела труда Союза плантаторов Южной Индии. Центр округа и штаб-квартира организации находился в Коимбаторе, куда и направились Мерварты. Это дало какую-то финансовую стабильность чете исследователей. К тому же по долгу службы Г.Х. Мерварт должен был выезжать в окрестные города и деревни, и он сумел хорошо изучить быт и культуру местного населения. В Коимбаторе Мерварты провели март, апрель и май 1916 г. Из Коимбатора Л.А. Мерварт посетила Тричур и Бангалор, где проводились ярмарки. Через месяц после назначения на должность Г.Х. Мерварт получил некоторые суммы из России и смог продолжить собирательскую деятельность. Срок его контракта с Союзом плантаторов Южной Индии закончился 6 июня 1916 г. [Мерварт, Мерварт 1927: 15].

В июле 1916 г. Мерварты отправились в княжество Майсур (Майсор). Они побывали в Бангалоре, но многие другие уголки княжества оказались для них закрыты. Британские власти не пускали туда русских ученых, ссылаясь на законы военного времени. Не последнюю роль в проявлении британцами настойчивости в отношении русских ученых играло немецкое происхождение Г.Х. Мерварта, однако в целом складывается впечатление, что все зависело от служебного рвения и подозрительности того или иного чиновника. Крайне недоброжелательное и подозрительное отношение британских чиновников к русским ученым в Майсуре определило то, что в здесь Мерварты посетили только Майсур, Арсикер и окрестности Бангалора.

Кстати, слежка велась за Мервартами не только со стороны британских властей. Русские консульские службы не только помогали Мервартам, но и отслеживали их образ мысли и разговоры, опасаясь, как бы активность этих русских подданных не повредила российско-британским отношениям. Так как Г.Х. Мерварт был этническим немцем и бывшим германским подданным на службе России, он очень переживал за обе свои родины, оказавшиеся в войне друг с другом. Вероятно, супруги считали в целом союз России с Великобританией ошибочным и видели в нем причину войны. Иногда, вероятно, Мерварты позволяли себе высказывать свои политические соображения вслух. Вице-консул в Коломбо Б.П. Кадомцев 25 февраля 1915 г., в целом положительно характеризуя работу Мервартов на Цейлоне, в письме в Генеральное консульство в Калькутте писал:

«Приблизительно около года тому назад в Коломбо прибыли из Петрограда Герман Христианович и Людмила Александровна Мерварт. Гг. Мерварт были посланы на Цейлон и в Индию этнографическим отделением музея Имп. Николая II³⁴ для сбора разных коллекций и для изучения быта туземцев (их религии, нравов и пр.). Гг. Мерварт были рекомендованы вниманию здешнего вице-консульства академиком Радловым, Министерством иностранных дел и нашим посольством в Париже.

Г-жа Мерварт по своему происхождению русская, ее отец состоит профессором Медицинского института в Петрограде. Г-н Мерварт по своему происхождению немец, но получивший русское подданство, будучи принят на государственную службу. По своей наружности, привычкам г-н Мерварт является типичным немцем.

Гг. Мерварт работали на Цейлоне весьма усердно и заслужили уважение не только среди английского общества, но и среди туземцев, с которыми они непосредственно соприкасались, разъезжая по деревням и монастырям.

³⁴ Так в донесении. Вероятно, Б.П. Кадомцев смутно представлял статус МАЭ.

Полиции каким-то образом стало известно немецкое происхождение Мерварта, и за ним стали неустанно следить. Из тех вопросов, с которыми полиция неоднократно обращалась в вице-консульство, можно было понять, что только покровительство последнего предохраняло г. Мерварта от ареста.

В настоящее время гг. Мерварт уехали в Мадрас, откуда они собираются проехать на Гаты в гости к одному из их туземных почитателей.

Зная, что полиция в Индии (особенно после мятежа в Сингапуре) особенно строго относится к поведению и разговорам иностранцев, вице-консульство намекнуло г. Мерварту, что разговоры с туземцами о войне и особенно в пангерманском направлении могут навлечь на него большие неприятности.

К сожалению, г. Мерварт не скрывает своей ненависти к англичанам, и благодаря несколько несдержанному и вспылчивому характеру он часто позволяет обнаруживать свою неприязненность к англичанам.

Г-жа Мерварт несколько сдерживает своего мужа от политических разговоров с англичанами и туземцами. Но и она подчас поддается влиянию мужа и также высказывается во враждебном духе против Англии.

Так как гг. Мерварт в настоящее время находятся в Индии, то вице-консульство сочло своим долгом сообщить Генеральному консульству характер работы их, а также их характеристики.

Вице-консульский агент Б. Кадомцев» ([АВПРИ. А. 238 Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 2–4; цит по.: Российско-индийские отношения 1999: 402]).

В Бангалоре Мерварты собрали коллекции женских украшений, лекарств, лакированных деревянных игрушек [Краснодембская 2009: 245]. Там же в Бангалоре Мервартами было принято решение ехать на север страны.

Итак, Мерварты решили, что продление командировки на два года требует смены местности — юг был ими изучен достаточно хорошо. Вот как пишут сами участники экспедиции: «Мы пришли к заключению, что целесообразнее всего перенести поле

деятельности на север Индии. Во-первых, работа и коллекционирование на одном дравидийском юге, казалось нам, не дали бы тех результатов, для которых мы были командированы, а именно более или менее полной картины всей Индии. Во-вторых, мы заметили, что окружающий нас быт сделался слишком привычным и что уже много черт его ускользало от нашего внимания. Для обострения наблюдательности нам казалось целесообразным резко переменить область исследования» [Мерварт, Мерварт 1927: 16].

Сначала Мерварты заехали в Мадрас, где упаковали свои коллекции и договорились с директором музея об их хранении. К сожалению, позднее многие из этих коллекций из-за небрежности служащих Мадрасского музея погибли. Мерварты также просили руководство музея в Мадрасе принимать корреспонденцию и коллекции для них от своих друзей и знакомых, остававшихся в Южной Индии, — Анантакришна Айера из Кочина, Падманабха Айера³⁵ из Коимбатора, Падманабха Пиллаи³⁶ из Тривандрама [Мерварт, Мерварт 1927: 16]. Российские ученые, памятуя об определенных проблемах во взаимоотношениях с британскими властями и ограничениях передвижения по Индии, обратились к и.о. Генерального консула России в Калькутте Р.А. Лисовскому с просьбой получить для них от английских властей разрешение на беспрепятственные разъезды по Индии. Г.Х. Мерварт писал 30 июня 1916 г.:

«Из приложений к этому письму Вы увидите, что мы посланы Императорской Академией наук для собирания коллекций, которые должны будут лечь в основу новому отделу музея Академии, обнимающему Индию и Цейлон. Наша командировка, начавшаяся 5/18 апреля 1914 г., предполагалась на два года, но по истечении

³⁵ Падманабха Айер (Padmanabha Iyer A., или Karamanai A.P. Iyer, 1869–1942) — ведущий независимый журналист, автор многих книг: [Padmanabha Iyer A. 1936; 1941].

³⁶ Падманабха Пиллаи (Sreekanteswaram G. Padmanabha Pillai, 1864–1946) — лексикограф, ученый, составивший словарь языка малаялам “Sabdatharavali”.

этого срока была возобновлена на дальнейшие два года... Первые два года мы провели на Цейлоне и в Южной Индии, где нам удалось исполнить часть возложенной на нас задачи. При этом как правительство Цейлона, так и правительство Мадраасского президентства и туземных государств оказали нам содействие.

Ближайшие два года мы хотим посвятить изучению Северной и Центральной Индии. Ввиду военного положения передвижения европейцев, если они не англичане, значительно затруднены разными полицейскими формальностями.

Мы были бы Вам очень обязаны, если бы Вы получили для нас следующие документы от надлежащих высших индийских властей (вице-короля, министра иностранных дел или министра народного просвещения — кто именно этим заведует, я не знаю): 1) общее разрешение на беспрепятственные разъезды по всей Индии. Так как мы состоим на государственной службе союзной с Англией России, то, мне кажется, не может быть никаких затруднений для выдачи подобного документа; 2) циркулярное обращение ко всем местным властям оказывать нам содействие. Такое обращение было у нас на Цейлоне и облегчило нам работу в очень большой степени. Индийскому правительству было бы, вероятно, желательно знать наш маршрут. В Мадраасском президентстве мы периодически сообщали губернатору наш маршрут на 2–3 месяца вперед, с удовольствием делали бы то же самое здесь. В общих чертах до конца следующего года наш маршрут будет приблизительно таков: из Калькутты мы думаем поехать в Митгее с возможными короткими остановками по пути. Оттуда мы хотим сделать месячную остановку в Кашир. В начале октября мы отправимся в Пешавар и оттуда поедем обратно в Калькутту по долине Ганга, останавливаясь в разных местах (Amritsar, Lahore, Delhi, Benares, Jaipur и других). В Калькутте будем жить от приблизительно середины ноября до конца декабря. Более подробного плана я сейчас не могу дать» ([АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 11–12; цит. по: Российско-индийские отношения 1999: 405]).

После этого Мерварты направились на север Индии — вначале в Калькутту, незадолго до этого потерявшую статус столицы Британской Индии, но по-прежнему остававшуюся крупнейшим городом страны, ее интеллектуальным центром, сокровищницей ее культуры. Мерварты посетили Генеральное консульство Российской Империи (переведенное в Калькутту в 1910 г. из Бомбея), изучили коллекции крупнейшего в Южной Азии Индийского музея (the Indian Museum). После этого они отправились в Лакхнау, бывшую столицу княжества Ауд, центр как индусской, так и мусульманской (шиитской и суннитской) культуры. Директор Лакнауского музея (Provincial Museum, Lucknow) известный археолог Хирананд Шастри³⁷ помог им заказать там модели, иллюстрирующие деревенский быт Северной Индии [Мерварт, Мерварт 1927: 16].

Из Лакхнау исследователи отправились в Дели и далее на северо-восток — в Равалпинди (в отчете — Раваль-Пинди), Лахор и, наконец, в Шринагар — столицу Кашмира. В Шринагаре исследователей принимали как гостей княжества. Это было связано как с ходатайством русского консула к махарадже Кашмира, так и с особым стратегическим положением княжества на самом северо-западе Британской Индии, в относительной близости от российских границ.

В Кашмире Мерварты провели август и сентябрь 1916 г. Это был очень плодотворный период для российских исследователей. Как пишут они в отчете, «мы подробно изучали быт и технику кашмирских ремесленников — ткачей, резчиков по дереву, по металлу, рабочих, изготавливающих предметы из папье-маше, и собрали множество изделий и орудий производства. В связи с этой работой мы заинтересовались вопросом об орнаменте, который в Кашмире особенно ярко иллюстрирует влияния скрещивающихся в этой стране культур персидской, китайской и индий-

³⁷ Хирананд Шастри (Hiranand Sastri) — индийский археолог, сотрудник Археологической службы Индии. Вел раскопки комплексов Наланда, Санкисса и др.

ской. С этой целью нами были собраны по возможности полные наборы образцов с орнаментами, встречающимися на изделиях из дерева и папье-маше, на тканях, вышивках, печатном ситце. Поскольку это было возможно, мы старались вникнуть в быт кашмирского населения, как крестьянского большинства, так и правящего браминского класса. В этой работе нам очень помог приглашенный нами в качестве секретаря молодой кашмирский брамин Джадагар Заду Шастри. Через него мы познакомились со своеобразным браминским бытом этой страны, собрали сведения о браминских обычаях и приобрели полный набор их украшений» [Мерварт, Мерварт 1927: 17].

Здесь же, в Кашмире, Мерварты наблюдали представления кашмирских «скоморохов». В дальнейшем они вновь в разных уголках Индии уделяли внимание изучению местной народной драмы. Кашмирский театр, или представления скоморохов-*бханда*, Мерварты изучили основательно. Они «присутствовали на представлении <...>, продолжавшемся около 8 часов, сфотографировали представленные типы и выдающиеся моменты самого представления» [Мерварт, Мерварт 1927: 17].

Мерварты изучили быт не только кашмирцев Шринагара. Они «побывали в разных кашмирских деревнях, а также у кочующего пастушеского племени гуджаров³⁸», приобрели несколько предметов домашней утвари [Мерварт, Мерварт 1927: 17].

Наши путешественники посетили знаменитую шиваитскую святыню Амарнатх (в тексте отчета — Амарнат), им удалось «наблюдать религиозную жизнь индусов и в особенности разных странников и отшельников» [Мерварт, Мерварт 1927: 17–18]. Путешествие заняло около десяти дней, многие его эпизоды были засняты на фото пленку. Но позднее многие негативы оказались

³⁸ Гуджар (Gurjar, Gujjar) — этническая общность, проживающая в штатах Пенджаб, Химачал-Прадеш, Раджастан, Джамму и Кашмир (Индия) и на востоке Пакистана. Численность 1 млн человек. Представители этого народа говорят на языках гуджари, пахари индоарийской семьи. Занимаются отгонным животноводством.

испорченными. Из Кашмира Мерварт писал 8 сентября 1916 г. Р.А. Лисовскому:

«Мы все время путешествовали, собирали, двигались с места на место, так что просто не было спокойной минуты. Я должен Вам сказать большое спасибо за быстрое исполнение нашей просьбы. Здесь приказ индийского правительства оказать нам помощь имел самые приятные последствия. Кашмирские чиновники прямо ухаживали за нами, и наша работа идет очень успешно. Я надеюсь, что мы скоро будем иметь удовольствие лично познакомиться с Вами или в Delhi, или в Калькутте. Тогда мы Вам расскажем о наших странствованиях по Индии. Мы здесь думаем остаться до 7-го октября н.ст. Хотим отсюда поехать в Пешавар, чтобы увидеть этот город (2–3 дня) и раскопки в Taxila. Оттуда поедem в Lahore на неделю, оттуда на такой же срок в Amritsar. Потом мы сделаем Delhi своей постоянной квартирой на 2 месяца. Мы там ожидаем появления на свет молодого русского гражданина. Я хотел бы оттуда сделать небольшие экскурсии в Muttra, Agra, Jaipur. Это пока наши планы до конца этого года. Будьте любезны, передайте об этом секретарю иностранных дел в Симле. За все Ваши заботы о нас и нашей работе мы Вам от души благодарны. С искренним уважением Мерварт» ([АВПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 89. Л. 9–10; цит. по: Российско-индийские отношения 1999: 406]).

Из Кашмира в конце сентября Мерварты отправились в Лахор (в отчете — Лагор). Здесь они посетили знаменитый Лахорский музей (Lahore Museum), познакомились с его директором доктором Хитом³⁹, профессором Харгривсом⁴⁰, заведующим ар-

³⁹ Хит Хью Лайонель (Hugh Lionel Heath, 1871–1938) — художник, ректор школы Майо, куратор Лахорского музея. Поощрял изучения в Пенджабе изобразительного и промышленного искусства.

⁴⁰ Харгривс Гарольд (Harold Hargreaves, 1876–?) — британский археолог, сотрудник Археологической службы Индии, специализировался по буддийской иконографии.

хеологическими раскопками в местечке Гандхара [Мерварт, Мерварт 1927: 18], давшем название целой культуре, отражавшей смешение влияний буддизма и культуры античной Греции, наконец, с профессором Вулнером⁴¹, преподававшим санскрит в местном университете. Наши исследователи благодаря новым связям сумели не только сфотографировать основные экспонаты лахорской коллекции, но и заказали слепки с отдельных экспонатов, сделанные учениками художественного техникума, которым заведовал Хит. В Пенджабе и Кашмире Мерварты «наибольшее внимание уделили изучению ремесленного производства, так как местные мастера издавна славились на весь мир как большие умельцы в ткачестве, вышивке, резьбе по дереву и металлу, в изготовлении расписных изделий из папье-маше. Они собирали кашмирские ковры и кошмы (“намда”), резные решетки кашмирских окон, образцы вышивок и шалей, ткани, а также и сами орудия ремесленного труда. Разнообразны образцы резьбы по дереву, привезенные ими, — панели, ларцы, стол, подставка для книг. Из папье-маше — блюда, подсвечники, подносы. В других коллекциях — пенджабские изразцы, керамика, кашмирские украшения. В частности, этнографический раритет — церемониальные украшения кашмирских брахманок, используемые ими в обрядах жизненного цикла. Несколько коллекций составили бытовые вещи домашнего обихода (маслобойки, мутовки, весы), обувь и головные уборы, прялки, переносные очаги “канкри” и самовары. Была собрана богатая коллекция кашмирской одежды: женской, мужской, повседневной, праздничной, театральной. Интересовал исследователей сам по себе кашмирский орнамент, в котором переплелись традиции трех культур — кроме индийской, еще персидской и китайской. Они собрали образцы рисунков для резьбы по дереву, для раскрашивания изделий из папье-маше, для изразцов. Особую коллекцию составили несколько

⁴¹ Вулнер Альфред Купер (Alfred Cooper Woolner, 1878–1936) — известный санскритолог, профессор, ректор Университета Пенджаба в Лахоре.

предметов домашней утвари кашмирского племени гуджаров, кочевников-скотоводов: здесь имеются деревянная чашка для воды, железная ложка-ковш, кальян из рога. Большую художественную ценность имеет коллекция миниатюр раджпутской школы — 17 полихромных рисунков на бумаге на мифологические сюжеты» [Краснодембская 2009: 245].

Из Лахора Мерварты отправились в Амритсар — религиозную столицу сикхов, посетили их знаменитый Золотой храм. Ввиду болезни Л.А. Мерварт (малярия) исследователи вернулись в конце октября в Дели, где пребывали до декабря 1916 г. В Дели, несмотря на проблемы со здоровьем, Л.А. Мерварт продолжала работу, общалась с женщинами из мусульманских семей, что позволило лучше узнать их быт.

Из Дели Мерварты побывали в Матхуре (в отчете — Маттра), были свидетелями религиозного представления «Раслила», посвященного богу Кришне, чьим местом земного рождения считается этот город. Исследователи сделали около 80 фотографий участников и сцен этого представления [Мерварт, Мерварт 1927: 19].

Пребывание в тогдашней столице Британской Индии Мерварты использовали для пополнения книжного собрания МАЭ. Они познакомились с министром народного просвещения Британской Индии и ходатайствовали об отправке для МАЭ около пятисот томов книг по этнографии, истории и культуре Индии в виде дара от правительства. Основой для такого деяния был составленный А.М. Мервартом отзыв о проекте Всеиндийского музея в Дели и список изданий, имеющих отношение к этнографии и необходимых МАЭ [Мерварт, Мерварт 1927: 19].

Тогда же А.М. Мерварт отправился в Фаррухабадский округ Соединенных провинций (сейчас — штат Уттар-Прадеш) на раскопки древнеиндийского города Санкисса по приглашению профессора Хирананда Шастри, руководившего раскопками, и провел там около двух недель [Мерварт, Мерварт 1927: 19]. В Дели Мерварты уделили внимание изучению языка урду, быта местных мусульман, собиранию коллекций, в частности они приобрели большой набор штампов с узорами для набойки, туалетные

принадлежности, курительные приборы, кропильники, игрушки, куклы, образцы занавесей и циновок.

По выздоровлении Л.А. Мерварт неутомимые исследователи отправились в Лакхнау (в отчете — Лакнау) и Варанаси (в отчете — Бенарес). Пребывание в Бенаресе оставило глубокий след в памяти российских исследователей. Они также стремились запечатлеть увиденное, особенно священные спуски к Ганге — гхаты — на фотографиях. Мерварты посетили также находящийся неподалеку от Бенареса город Сарнатх, великую буддийскую святыню, место первой проповеди Будды. Побывали они и в местном музее [Мерварт, Мерварт 1927: 19]. Наконец, русские исследователи посетили знаменитый дворец бенаресского махараджи в Рамнагаре, известный своими книжными сокровищами. «Наконец, нам хотелось познакомиться с редкостным изданием Рамааяна в переводе Тулси Даса, находящимся во дворце бенаресского махараджи в Рамнагаре. Эта рукопись состоит из нескольких томов и снабжена замечательными миниатюрами, относящимися к началу XVIII в. Нам удалось снять в течение нескольких часов целый ряд этих миниатюр, которые нами предполагалось поместить в издании перевода драм Бхасы “Пратима натакам” и “Абхишека натакам”» [Там же 1927: 19]. Вероятно, в Бенаресе Мерварты приобрели амулеты и печати, которыми аскеты и богомольцы наносили на свое тело религиозные символы и знаки. А вот коллекции глиняных раскрашенных моделей, изображающих богов индуистского пантеона, подвижников разных сект и типы жителей Центральной Индии, были приобретены уже в Лакхнау.

В начале 1917 г. исследователи вернулись в Калькутту. Их финансовое положение вновь стало катастрофическим. На какое-то время наших ученых выручил профессор Серампурского колледжа Калькуттского университета Гиваргис. Находящийся недалеко от Калькутты Серампур имел давнюю историю. Это была бывшая датская торговая фактория [Соболева 2003]. Там давно существовал колледж, да и музей, затем переехавший в Калькутту (теперь известный как Индийский музей — Indian Museum), возник именно в Серампуре. Этот небольшой колониальный

городок стал также центром местной колонии христиан назрани мапилла, которых Л.А. Мерварт изучала еще в Коттаяме (Керала) и к числу которых относился и Гиваргис. Предложение поселиться в общежитии малабарских студентов Калькуттского университета позволило исследователям значительно сэкономить на проживании. К тому же Л.А. Мерварт могла продолжить свое изучение назрани мапилла [Мерварт, Мерварт 1927: 20].

Л.Я. Штернберг 22 марта 1916 г. вновь подбадривал Мервартов и предлагал им маршруты и темы дальнейших путешествий.

«С удовольствием читал подробности Ваших успешных сборов. По первому вопросу считаю нормальным высказать свои соображения. Я полагаю, что предметы, выделанные под влиянием школ, представленные как предметы, изготовленные в School of Arts⁴², или вовсе не надо собирать, или собирать в ограниченном количестве. Вы пишете, что надеетесь собрать на севере так называемую кустарную Индию, которая могла бы иметь значение не этнографическое, а педагогическое для наших художников. Я думаю, что такой целью Вам задаваться не следует, ибо мы преследуем не утилитарные, а исключительно научные цели. Конечно, поскольку кустарные работы отражают быт туземный и рисуют местную культуру, постольку они представляют объект этнографии. Трудно, разумеется, отсюда судить точно, что вы подразумеваете под кустарной Индией, но если взять русский масштаб, скажем, изделия павловских кустарей, всякие замочки, ножички, цепочки и т.д., то точно так же, как мы их не станем собирать в России, то же надо сказать и об Индии. Тем менее следует собирать предметы, которые выделяются под непосредственным влиянием европейцев. Но, повторяю, те кустарные изделия, которые представляют отражение чисто туземной культуры, например, как в России всякого рода примитивные детские игрушки (игрушка, изображающая двух медведей, рабо-

⁴² Школа искусств (англ.). В конце XIX в. в городах Британской Индии была создана сеть школ, в которых индийских детей обучали основам ремесла, архитектуры, искусства.

тающих на наковальне, и т.п.), керамика местная, украшения народные или народные базарные изображения божеств, народная иконопись и тому подобные вещи представляют, конечно, этнографическую ценность. Разумеется, общей перспективы в этом отношении трудно давать издали, но, надеюсь, что моя мысль Вам понятна. Очень одобряю собрание моделей, представляющих типы, конечно, если эти типы и в антропологическом, и в этнографическом отношении вполне удовлетворительны. Для такой большой страны, как Индия, изготовление таких моделей является особенно целесообразным. Крайне важно, между прочим, для такой страны, как Индия, зафиксировать различную цветность населения, начиная с севера, отмечая это по антропологическим таблицам Брока, Лушана, или по крайней мере по английским *queries*⁴³, или, например, по *Code de couleur*⁴⁴. Это имело бы огромное значение. Чувствую это я при преподавании этнографии. Не знаю, собираете ли Вы модели архитектурных типов, а это очень бы следовало. Особенно важны различные типы пагод, от наиболее примитивных до наиболее развитых. При этом очень важно зафиксировать туземные названия для различных пагод. Этот вопрос, между прочим, меня специально интересует, так как я занят происхождением этого вида архитектуры. Вы, конечно, собираете всё, что относится к рождению, браку, смерти и всяким вообще семейным и племенным торжествам. Во всяком случае, я позволю себе напомнить Вам о важности объектов этих церемоний, в частности очень интересны амулеты для рожениц и для новорожденных, а также разные типы колыбелей. Напоминаю о сборании и различных предметов фамильного культа, и вообще обратите особое внимание на культ сельский. Интересно, сохранились ли в Индии обычаи делать разные фигуры во время жатвы: фигуры из льна, травы, или одевание раз-

⁴³ Вопросники (англ.).

⁴⁴ Шкала цветов (франц.) — метод, применяемый в антропологических исследованиях (шкала цвета волос Фишера-Заллера, шкала оттенков кожи Лушана, шкала цвета глаз Мартина и др.).

личных масок во время жатвенных праздников, а может быть, делаются и какие-нибудь изображения при посеве? У скотоводов интересны их молочные сосуды, в особенности которые имеют религиозное значение, равно как самые способы обработки молока. Если черепа животных играют какую-либо роль в культуре того или иного народа, то привезите таковые. Кстати, не сохранилось ли среди хотя бы детских игрушек так называемых bullhoars, по-русски, гуделка, духовая трубка или метательная дощечка для дротика и стрелы и, в частности, разного вида игр, как азартных, так и неазартных. В индийских храмах жрецы часто употребляют игральные книги для гаданий, я где-то читал описание их. Их желательно было бы приобрести, потому что эти индийские игры распространены далеко за пределами Индии, у сибирских народов, между прочим.

Хорошо было бы, если у Вас имеются копии списков приобретенных Вами предметов, выслать нам их, чтобы мы имели представление обо всем собранном Вами. Между прочим, с вещами, которые хранились в Александрии, мы хотя и имели много хлопот и им угрожала продажа от аукциона, но всё благополучно устроилось, благодаря Управлению Добровольного Флота и консульским агентам.

Вы, конечно, знаете, что еще ремонт нового здания Музея и не начинался, потому что новое здание Библиотеки занято под лазарет и самая библиотека осталась еще пока в старом здании, так что пока Ваша миссия в Индии собирать и собирать, переходя из одного района в другой. Потому имейте в виду, что чем дольше Вы будете собирать в Индии, тем это будет приятнее и полезнее для Музея. Заботьтесь только, чтобы все собранное Вами было сохранено до лучшего времени, когда можно будет наконец начать перевозить это в Европу. <...>

Кстати, пришла мне в голову такого рода мысль. Когда поедете на север Индии, не лучше ли начать эту работу с самого крайнего севера, с предгорьев Гималаев, более примитивных, а потом спуститься к более цивилизованным, для того чтобы на всякий случай иметь более интересные предметы, тем более что край-

ний север Индии еще недостаточно изучен, а уже о собраниях и говорить нечего. На Вашем месте, мне кажется, я бы именно так и поступил. Это дало бы Вам и большое удовлетворение в смысле разнообразия, возможности окунуться в более первобытную жизнь и в менее известную. Между прочим, на севере Индии Вы бы нашли интереснейший материал по примитивным формам брака. Еще один вопрос мне приходит на ум. Я когда-то читал, что в Бирме обычай во время погребений возить покойников на таких сооружениях, которые очень напоминают пагоды, высокие, со шпилем, и, кроме того, устраиваются какие-то особые высокие столбы, на которые навешиваются жертвоприношения и которые потом увозятся в храм. Мне интересно было бы выяснить, имеет ли аналоговый обычай место и в Индии, откуда, по-видимому, он пришел вместе с брахманизмом вообще. <...>

P.S. Посылаю Вам свою статью о близнецах. Не собирали ли Вы Индийские поверья о них?

P.S. Собираете ли Вы предметы колдовства? Кстати, не остались ли в Индии колдуны типа шамана? Я лично очень интересуюсь легендами о древе жизни; не соберете ли Вы таковые главным образом среди сельского населения, был бы Вам очень признателен. Очень был бы Вам также благодарен, если соберете разные народные и литературные данные об отношении к орлу, о культе его и миф его. Уверен, что в народе еще до сих пор живет этот культ орла или сокола. Для меня до сих пор темка насчет термина орла; дело в том, что одни санскритисты переводят этот термин орел, а другие — сокол, что вернее. Еще, конечно, Вы спросите насчет орудий охоты, особенно о луках-самострелах (*spraying-bow*) по части употребления у таких племен, как Нов, Сонтал⁴⁵ и бихарцев⁴⁶?

⁴⁵ Правильнее — санталы (Santhal) — самый крупный из народов мунда (численность более 6 млн человек, по данным на 2001 г.). Живут в Индии, Бангладеш, Непале.

⁴⁶ Бихарцы (Bihari) — группа народов, говорят на языках индоарийской группы индоевропейской семьи. Население штата Бихар в Индии (92,5 млн человек). Живут также в Бангладеш, Непале, Бутане.

Были ли Вы у этих народов?» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 281–286].

Новости из России, как и деньги, приходили с опозданием. В этой ситуации настоящим подарком стало приглашение А.М. Мерварта на работу в калькуттский Индийский музей. «Этнографический Отдел Индийского Музея в Калькутте очень богат, и в нем хранятся экспонаты, приобретенные в начале прошлого столетия и даже раньше и представляющие собой музейные редкости. С другой стороны, этим отделом никогда не заведовал европейский музеевед-этнограф. Во время нашей работы над материалом этого отдела директор Музея, он же глава Департамента зоологии, д-р Аннандэль, предложил А.М. Мерварту взять на себя перевыставление этого Отдела, хотя бы в нескольких его частях. Так как нами уже была собрана довольно полная коллекция музыкальных инструментов, а калькуттская коллекция содержала очень много интересного материала в дублетах, А.М. Мерварт принял предложение д-ра Аннандэля с условием, что в вознаграждение за пересмотр и перевыставление инструментов, а также за составление путеводителя по этой коллекции МАЭ получит дублеты, необходимые для пополнения уже собранного материала. <...> В течение шести месяцев А.М. Мерварт занимал эту должность, привел в порядок, перерегистрировал и выставил заново коллекции, относящиеся к Андаманским и Никобарским островам, к ассамским племенам и к примитивным племенам центральной Индии» [Мерварт, Мерварт 1927: 20, 22]. В качестве частичного вознаграждения за эту работу А.М. Мерварт получил дублеты коллекций музыкальных инструментов и оружия, предметы, характеризующие быт андаманцев — низкорослых негритосов, темнокожего коренного населения юга Азии, охотников и собирателей, в том числе их лук и стрелы. Кроме того, А.М. Мерварт опубликовал в Калькутте два путеводителя по экспозициям Indian Museum. Это были описания коллекций музея по Андаманским и Никобарским островам, а также племенам Ассама [Meerwarth 1919], и путеводитель по коллекции индийских музыкальных инструментов в Индийском музее Калькутты [Meerwarth 1917b].

Пребывание в крупном мегаполисе позволило А.М. Мерварту воспользоваться книжными сокровищами библиотеки Азиатского общества Бенгалии, членом которого он был избран в 1917 г. Из Калькутты Мерварты также совершали поездки в Ассам. Им удалось посетить Шиллонг, английскую «высотную станцию» и тогдашнюю столицу провинции, но заболевание Л.А. Мерварт тяжелой формой тропической малярии и жесткий полицейский контроль со стороны британцев не позволили нашим ученым досконально изучить северо-восток Британской Индии.

В то же время А.М. Мерварт продолжил работу в Азиатском обществе, выступил там с докладом о драмах Бхасы, вскоре опубликованный в виде статьи [Meerwarth 1917a]. Л.А. Мерварт в это время преподавала в одном из женских колледжей. При этом исследователи продолжили собирательскую работу. Они «приобрели ряд интересных коллекций, как, например, набор марионеток бенгальского кукольного театра, модели, иллюстрирующие быт бенгальской деревни» [Мерварт, Мерварт 1927: 22]. Среди бенгальских сборов экспедиции заслуживают особого упоминания макет бенгальской деревни (ставший в дальнейшем постоянным экспонатом индийской выставки МАЭ), предметы деревенского быта (крестьянская одежда, покрывала для кроватей, лампы, кальяны, веера, бусы из семян растений, ножницы для стругания орехов арековой пальмы, женские украшения). Очень интересны коллекции идолов народных культов (изображения духов и божеств, «столбы предков»), персонажей бенгальского кукольного театра.

Подводим итог этой второй североиндийской части поездки. Думая о дальнейшем направлении работы, Мерварты выбрали Калькутту как центр Бенгалии — город, где находились такие важнейшие культурные учреждения, как университет и музей, располагавший богатыми этнографическими коллекциями. Интересна им была и сама Калькутта как город, населенный индийцами разных вер и каст. Началось время «бенгальских сборов». В этом районе Мерварты пробыли несколько месяцев в течение 1916–1917 гг. Александру Михайловичу удалось получить работу в калькуттском Индийском музее, где он с сентября 1917 г. в тече-

ние полугодом исполнял обязанности заведующего этнографическим отделом. На его жалование супруги и жили, и продолжали собирательскую деятельность. За время службы в музее А.М. Мерварт привел в порядок, перерегистрировал и выставил несколько коллекций, составил два путеводителя.

Экспедиция смогла побывать у некоторых ассамских племен. Изучить удалось главным образом народ кхаси⁴⁷, его язык, своеобразную социальную организацию с чертами матриархата, культ предков и различные стороны быта. Коллекции же удалось собрать шире — относящиеся также к племенам нага, гаро, абор, мишми и микир.

В Отчете МАЭ за 1917 г. указано, что «командированные Музеем в Индию супруги Г.Х. и Л.А. Мерварт продолжали свои работы по изучению различных народностей и культов Индии и собиранию коллекций. <...> Как в Кашмире, так и далее, в Лакхоре, были сняты фотографии, число которых в настоящее время у Г.Х. Марварта достигает большой цифры — 4000 экземпляров. <...> Кроме описания собранных вещей и изложения плана работы и предположений об организации Отдела, в отчетах сообщаются описания производств, празднеств и обычаев.

В заключение следует отметить, что, помимо личных сборов, на местах организованы агентуры и сделаны заказы по сборам, требующим времени, и со всеми музеями Индии установлены условия обмена» [Отчет о деятельности 1918: 10–11].

В конце января 1918 г. у Мервартов закончились средства к существованию. Закончился и срок пребывания А.М. Мерварта на посту заведующего этнографическим отделом Индийского музея. Новые предложения, как то: занять должность доцента санскритской литературы, — достаточных средств к существованию не давали. Да и срок командировки закончился. В этой ситуации супруги приняли решение, упаковав самые ценные экспонаты

⁴⁷ Кхаси, хаси (Khasi) — народ в штатах Мегхалая и Ассам на северо-востоке Индии и в Бангладеш. Язык образует собственную группу в составе мон-кхмерских языков австроазиатской семьи.

и договорившись о хранении остальных в музеях в Калькутте и Мадрасе, отправиться в обратный путь в Россию. Путь к дому оказался долгим и трудным. Несколько месяцев морского путешествия, с приключениями и остановками и даже английским пленом в Бирме, до Владивостока закончились известием, что Петроград, к которому они так стремились, отрезан от них несколькими фронтами. Шла Гражданская война.

2.3. Особенности этнографической работы в Южной Азии

Все четыре года командировки очень многие ученые и просто неравнодушные люди на местах активно помогали русским ученым. В Южной Азии А.М. и Л.А. Мерварт сумели обзавестись широким кругом знакомств. На о-ве Цейлон к таковым принадлежали тамил Раманатхан (Ramanathan), крупный помещик, бывший министр юстиции, член Законодательного совета Цейлона; Пуссегода (Pusegoda), житель дер. Ампития (*Ampitiya*) близ Канди, чиновник местного административного учреждения, владелец большого участка земли (у него жила Л.А. Мерварт) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224]; Джон М. Сенавиратне (John M. Senaveratne), молодой ученый-филолог⁴⁸, деятель литературно-научного журнала “Ceylon Antiquary” [Там же. Т. 12. Л. 404–404 об.]; Нянисара Тхера (Nyanisara Thera), монах, настоятель Maligakanda в Коломбо; служащий Музея Коломбо Альберт Джаясинха и его старший брат (F.C. Jayasinha) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 16].

В Бенгалии у Мервартов не было уже средств на оплату труда информантов, они могли полагаться только на свои научные наблюдения. А.М. Мерварт писал: *«В Индии в редких случаях можно положиться на достоверность передаваемых сведений»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 245].

⁴⁸ *«Этот человек напоминает мне Гарди, самым сильнейшим образом, хотя я не могу назвать ни одной общей черты между ними»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 66].

Во время путешествия Мерварты познакомились со многими британскими чиновниками, среди которых лорд Роберт Чальмерс, губернатор Цейлона; лорд Кармаикл, губернатор Бенгалии; сэр Генри Маклаган, губернатор Соединенных провинций Агра и Ауд; г-н Честертон, председатель промышленной комиссии при Мадраасском президентстве; председатель Южно-Индийской ассоциации плантаторов Ричардсон; директор отдела труда этой организации Мартин.

Мерварты знакомились и общались с британскими и местными учеными: Дж.П. Хендерсоном (J.P. Henderson), суперинтендантом Государственного музея в Мадрасе (впоследствии эту должность занял д-р Ф. Грэйвли⁴⁹); помощником директора Мадраасского музея Нарасимха Рао (Narasimha Rao); директором Лахорского музея Лайонелом Хитом (Lionel Heath); председателем Зоологического департамента Индийского музея д-ром Нельсоном Анненделем (Nelson Annandale); археологом сэром Джоном Маршаллом (John Marshall), главой Археологической службы Индии (Archaeological Survey of India); с сотрудниками Археологической службы Гарольдом Харгривсом (Harold Hargreaves), Перри Брауном (Perry Brown) и д-ром Керром (Kerr); д-ром Гордоном (Gordon) (Ассам); директором музея в Тричуре Анантакришной Айером (L.K. Ananthakrishna Iyer) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 16]; лексикографом Падманабха Пиллаи (Sreekanteswaram G. Padmanabha Pillai) из Тривандрама; журналистом Падманабха Айером (A. Padmanabha Iyer) из Коимбатора и др. [Мерварт, Мерварт 1927: 16].

По Центральной Индии Мерварт путешествовал вместе с заведующим Археологическими раскопками в Соединенных провинциях и лахорским Провинциальным музеем д-ром Хирананда

⁴⁹ Грейвли Фредерик Генри (Dr. Frederik Henry Gravely, 1885–1965) — британский энтомолог, зоолог, ботаник, археолог. Помощник суперинтенданта Indian Museum в Калькутте (с 1909 г.), секретарь Азиатского общества (The Asiatic Society) в Калькутте (1915–1918), суперинтендант мадрасского Government Museums (с 1920 г.).

Шастри (Hiranand Sastri). На севере Индии Мерварт не работал стационарно, как на юге. Он два месяца разъезжал по Кашмиру совместно с ученым Джагаддар-заду-Шастри (Jagaddhar-zadoo-Shastri).

В Панджабе Мервартам помогал Гулам Наби (Goolam Nabi), купец из Амритсара (возможно, Лакхнау или Лахора) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 226]. *«Они с Александром Михайловичем называли друг друга бхай — названными братьями»* [Там же. Л. 293].

Из видных индийцев знакомыми Мервартов были Джозеф Бхор, член попечительного совета, бывший министр народного просвещения; семья Тагор (Рабиндранат Тагор и его братья) и ряд индийских ученых; магараджа Пудукоттский и его семья; Кочинский и Траванкорский магараджи.

В Коломбо Мервартам оказал существенную помощь консульский агент и представитель Добровольного флота Б.П. Кадомцев, который, в частности, брал на себя пересылку писем дипломатической почтой; представители разных чайных фирм — И.С. Титов, И.В. Верещагин и другие; в Индии — атташе Генерального консульства Российской империи в Калькутте, затем и.о. генерального консула Р.А. Лисовский, генеральный консул К.В. Томановский, драгоман Генерального консульства П.А. Рогальский и др.

В марте 1915 г. Мерварт принял предложение поступить на службу в Южно-Индийский союз плантаторов и три месяца служил руководителем отдела снабжения рабочей силой, имел в распоряжении 7 служащих и 16 агентов. Мерварт расспрашивал их о положении низших каст [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 245].

В Мадураи Мерварты познакомились с помещиком-землеладельцем Робертом Фауксом (Ffoulkes, Foulkes), полуангличанином, который был всегда в долгу, *«англичане его совсем не приняли из-за туземной примеси»*. Изабелла Фаукс, племянница пронемецки настроенного лорда Холдена⁵⁰, была

⁵⁰ Холден Ричард (Richard Burdon Haldane, 1st Viscount Haldane, 1856–1928) — влиятельный шотландский либеральный политик и фи-

транжиркой. Отношение Мервартов к Фауксам было неоднозначным. Мерварт вспоминал: *«Они нуждались в деньгах, чтобы пускать англичанам пыль в глаза, вели процесс из-за наследства. Жили мы у них три недели в Шембагануре, их имении в Пальнийских горах. Потом — 2 мес. в Мадуре»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 225]. В апреле 1915 г. Р. Фаукс получил от Мервартов 3 тыс. рупий (1920 руб.) [Там же. Л. 227]. *«Фауксы, недовольные нами из-за недоразумений на денежной почве, стали распространять в Южной Индии через своих знакомых, что А. Мерварт — немец. Счастье наше, что Фауксы не пользовались никаким признанием общества»* [Там же. Л. 230].

В Мадурай Мервартам также помогала влиятельная семья Рао (Raо), прежде всего присяжный поверенный купец Рао Сахиб.

После Февральской революции 1917 г. Мерварты в Индии были оставлены совершенно без средств. В середине 1917 г. их материальное положение ухудшилось, из Ассамы А.М. Мерварт уехал в Калькутту, где работал заведующим Этнографической галереей Индийского музея в Калькутте ради заработка [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 404–405 об.].

Титанические попытки помочь экспедиции Мервартов в это сложное время предпринимались дирекцией МАЭ. В.В. Радлов 13/26 января 1918 г. направил письмо на английском языке в Лондон Президенту Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии лорду Ри (D. J. Reay):

«Милорд,

Как почетный член Королевского Азиатского Общества, я имею честь обратиться к Вам относительно г-на Мерварта и его супруги, ассистентов Индийского Отдела Музея антропологии и этнографии, которые были отправлены Академией наук и Этнографическим музеем весной 1914 г. в Индию для изучения языка, религий и обычаев местного населения, а также для сбора

лософ, виконт (с 1911 г.), военный секретарь (Secretary of State for War, 1905–1912), лорд-канцлер (1912–1915), был вынужден уйти в отставку из-за своих пронемецких симпатий.

этнографических коллекций. Бывшее Временное Правительство выделило 20000 рублей, чтобы завершить экспедицию и осуществить возвращение г-на и г-жи Мерварт вместе с 200 ящиками этнографического материала. В нынешних обстоятельствах, которые мне вряд ли необходимо объяснять Вам в деталях, мы не имеем возможности получить и послать деньги указанным исследователям. Не могли бы Вы найти средства, чтобы обеспечить им какую-нибудь научную или другую службу в Индии в каком-нибудь музее или ином научном учреждении. Г-н и г-жа Мерварт — очень способные ученые и хорошие работники, и хорошо сведущие в английском языке. Лучшим способом выхода из трудности было бы назначить им за счет нашего Музея необходимую денежную сумму для продолжения их работы вплоть до более благоприятных времен. Мы приложим все усилия, чтобы возместить все расходы как можно скорее, и мы будем искренне благодарны за спасение оказавшихся на мели исследователей.

Остаюсь, Милорд, искренне Ваш В.В. Радлов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 64].

Он продублировал 5/23 апреля 1918 г. отправку этого рекомендательного письма на бланке Académie Russe des Sciences, Musée d'Anthropologie et l'Ethnographie Pierre le Grand с просьбой подтвердить его получение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 79].

Итак, Мерварты пробыли на Цейлоне и в Индии почти четыре года. За это время А.М. Мерварт «выучился тамильскому языку и индостани» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 295]. Л.А. Мерварт также проделала огромную работу. Она изучала местные языки, вела полевую этнографическую исследовательскую работу в разных районах Южной Азии, собирала этнографические коллекции, рукописи на восточных языках, записывала образцы вербального фольклора. Одновременно ей надо было устанавливать отношения в местах пребывания как с властями, так и в среде информантов, решать бытовые проблемы, создавать условия для научных занятий супруга, следить за его слабым здоровьем, вести книгу расходов [СПбФ АРАН. Ф. 142.

Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 46], деловую переписку на русском и английском языках и т.п. Тяготы путешествия сказались на ней, в Индии она заболела и потеряла ребенка.

Полевые дневники Мервартов не сохранились. Но в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится «Тетрадь записи этнографических предметов, купленных Мервартами в Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 17], где на 81 странице описаны сделанные на Цейлоне и в Южной Индии приобретения, приведены этнографические сведения, указана цена первых 2178 предметов.

О качестве собранной этнографической информации свидетельствуют индологические публикации Л.А. Мерварт по этнографии [Мерварт Л.А. 1927а] и фольклористике [Мерварт Л.А. 1927б; 1929б], а также тексты описей МАЭ, в которых зафиксированы уникальные сведения об особенностях конкретного предмета, его функционировании в этнической среде, а также комментарии к истории фотоснимков и негативов, содержании каждого кадра.

Как верно отмечал А.М. Мерварт, *«Людмила Александровна к крестьянскому населению Цейлона и Индии имела больший интимный доступ, чем я, т.к. жила несколько месяцев в домах туземного населения, изучая их быт и этнографию»*. Будучи хорошим наблюдателем, она собрала уникальный этнографический материал на Цейлоне и в Южной Индии, в Дели, Кашмире, Бенгалии, где *«изучала также магомтанское население и, будучи русской патриоткой, вела исключительно просветительскую деятельность»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 217].

На Цейлоне директор Музея Коломбо Джозеф Пирсон (Dr. Joseph Pearson) помогал в сборе вещей для МАЭ: *«Достал очень толкового сингальца (boy), и я показываю ему, какие вещи он должен потом купить. Вечером он их приносит, и таким образом мы платим едва ли много дороже местных цен. Музей же указал нам человека, которому заказываем модели»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 200]. Братья Джаясинха помогали собрать сведения о ланкийском шаманстве: один из Jayasinha был хранителем музея, он *«познакомил Г.Х. Мерварта со здешним*

главным буддийским жрецом, который занимается с ним ежедневно *Pāli*» [Там же. Л. 175], «разыскал нам большой набор сингальских масок, отчасти для демонических танцев, отчасти для театральных представлений [Там же. Л. 229]». Когда жена Дж. Сенавиратне (католика), добровольного секретаря Мерварта в Коломбо, родила дочку, Л.А. Мерварт даже окрестила девочку, которую назвали Людмила Ратнавали Сенавиратне [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224]. На о-ве Цейлон в дер. Ампития близ Канди Л.А. Мерварт жила у чиновника местного административного учреждения Пуссегода, владельца большого участка земли, на юге Цейлона — у Мадуанвалы (описав этот опыт в книге «В глуши Цейлона» в очерке «Некоронованный король Сабарагамувы»).

Мерварты познакомились на Цейлоне с «очень богатым помещиком сингальского происхождения *Mr. Rajarakssee*, который имеет большие кокосовые плантации. Он обещал нам полную коллекцию всех продуктов кокосовой пальмы (дерево, лист, ореховая скорлупа и т.д.), которая в жизни жителей острова играет такую огромную роль» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 225 об.]. Коллекцию можно было получить в дар, и Л.А. Мерварт просила директора МАЭ В.В. Радлова «*послать ему официальную благодарность Музея с печатью и Вашей подписью*» [Там же. Л. 226]. Г-н Гунаратне (*Mr. Gunaratne*), *Obermudgaliyar*⁵¹ южных провинций, секретарь *Pāli-text Society*, один из самых важных людей на острове, ученик Т.У. Рис-Дэвидса⁵², подарил для МАЭ интересную деревянную статуэтку Будды и образец скульптуры из *Anurādhapura*⁵³ [Там же. Л. 227–228].

⁵¹ Букв. «верховный мудальяр». Правильнее *mudaliar* (тамил.) — «староста», титул и должность колониального периода на Цейлоне.

⁵² Рис-Дэвис Томас (*Thomas William Rhys Davids*, 1843–1922) — британский ученый, основатель Общества палийских текстов (1881) в Великобритании.

⁵³ Анурадхапура — город на Цейлоне, столица первого сингальского царства (V–X вв.), религиозный центр Цейлона.

Мерварты нередко разделялись и вели работу в поле в разных социальных и этнических средах. «Я постоянно возбуждала недовольство англичан, проводя параллели между презрительным их обращением с индусами и гораздо лучшими у нас даже тогда. Индус не может ездить в вагоне и лечиться в больнице с белыми. Набережная в Коломбо — Гол-фейс-род⁵⁴ — единственное место, где вечером можно подышать. Туземец может попасть туда как рикша, везущий европейца. А я рассказывала, что и армянин, и бурят, литовец, узбек посещают одну русскую школу и Университет, может быть офицером, инженером. Жениться на русской — и они не становятся изгоями. Рассказы об этом — у колодца, у ступки, на террасе у соседей воспринимались горячо и разносились далеко. Сама толкла рис, подставляла свой кувшин под струю воды, обносила соседей бетелем» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 224].

«В Индии работа была такая же» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 226]. На западном побережье Индии Л.А. Мерварт «жила одна месяца 2–3 в семье Назрани Маппила (название касты) в местечке Коттаям. Его имя — Филиппозе, христианин древнего, Римского миссионерского происхождения. Единоверцев англичане старались насильно загнать в англиканство. В Коттаяме во время Августа стояли римские когорты, защищавшие римскую торговлю. Опирались мы не на деньги, а на общую веру — христианство восточного обряда, что их ко мне очень привлекало [Там же. Л. 227].

По мнению Л.А. Мерварт, назрани маппила (ее перевод — «Назарейские князья», христиане с конца I в. н.э., называют себя христианами святого Фомы) могли бы стать в Южной Индии опорной группой населения для торговых операций с СССР. Это

⁵⁴ Точнее, променад Galle Face Green (1859) — набережная протяженностью около 1,3 км вдоль западного побережья Индийского океана, в центре финансового и делового района Коломбо, одной из достопримечательностей столицы. Через дорогу расположен Galle Face Hotel — старейший британский отель восточнее Суэца (1864).

была многочисленная группа — «массив в полунезависимых государствах на Малабарском берегу — Кочине, Траванкоре», численность их в 1916 г. составляла около 4 млн человек, население «предприимчиво, держит в руках всю торговлю края, отличается большой честностью, высокой степенью грамотности (80 % женщин грамотны против 2–3 % окружающего индусского населения)» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 19]. Христиане находятся вне кастовой системы, что облегчает их отношения с европейцами. Они не подчиняются Папе Римскому, так как это докатолическое население, так называемое «восточное». «Обычно христианство принимают париш для поднятия своего общественного положения. Здесь св. Фома крестил без разбору всех, в т.ч. старших браминов и наяров, т.е. высшие, ритуально чистые слои населения. В глазах туземного населения это ставит назрани маппила на одну высоту с браминами» [Там же. Л. 19].

«Против англичан они имеют специальное озлобление. <...> Миссионеры заставляют их отказаться от ошибок, т.е. отличий от католицизма и вышедшего из него англиканства, и присоединиться к Английской епископальной церкви. Содействие властей делает поведение миссионеров чрезвычайно агрессивным, создает для назрани много трудностей» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 19–20]. Л.А. Мерварт считала, что это вызывало их влечение к России как к стране восточного христианства. «В 1916 г. у них тайно от английских властей постоянно служились молебны о даровании победы русскому оружию, также — во время русско-японской войны», «сказки о русских зверствах усиливают раздражение назрани». Они выражали желание связаться с восточно-христианским государством, получать книги религиозного содержания, учить русский язык, посылать своих священников учиться в русских духовных семинариях и академиях.

В Северной Индии Мерварты прожили три месяца в Дели в гостинице «Мейденс хоутел» (Maidens Hotel), принадлежащей бывшему русскому подданному Шмуловскому (Шмуль). Л.М. Мерварт в Дели изучала язык урду. Ее учителем был воен-

ный писарь местного гарнизона (*дарога*). Через него Л.А. Мерварт попала в среду мусульманских женщин. «Платила ему 100 рупий в месяц за уроки — огромная цена. А.М. Мерварт давал ему большой бакшиш (денежный подарок)» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 227]. Вскоре этот человек, «рекомендованный мне полковником Санфордом (который пришел ко мне с просьбой позаниматься с ним русским языком, пока я в Дели была больна и не могла работать), сообщил мне, что Санфорд специально приставлен ко мне правительством для наблюдения, специально послал дарогу. Но я подружилась с женой дароги, помирила ее с его семьей и пр. На Востоке случается, что воля жены делает больше, чем приказ начальства, и дарога (военный писарь местного гарнизона) меня предупредил» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 230].

Другой информант — Джагаддар-заду-Шастри (Jagaddharzadoo-Shastri) [Мерварт Л.А. 1927a] — учился в университете в Лахоре. Он познакомил Л.А. Мерварт «с Якуб-ханом, сыном Hunzi, почти независимого ханства к северу от Кашмира. Якуб-хан звал меня к себе в Гунзу⁵⁵, оттуда якобы есть старый путь на Урусистан (Россию). Но англичане его отвезли в Гунзу, пока я была в Индии» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228].

Эти и некоторые другие данные косвенно свидетельствуют о каком-то задании, полученном Л.А. Мерварт от Российского Генерального Штаба, но прямого подтверждения ее разведывательной миссии у нас нет. В Дели Л.А. Мерварт помогла некоему Ибрагиму, русскому дезертиру с Германского фронта, пришедшему в Индию через Афганистан. Он прожил в Кабуле восемь месяцев, принял имя Ибрагим и ислам. Англичане его арестовали в Пешаварском базаре, выслали в Дели. Столяр из Минской губернии, он работал по специальности, был под домашним арестом в доме Mr. Bowring (зав. полицией в Дели). «Bowring обратил-

⁵⁵ Hunza — Хунза, горная долина на северо-западе бывшей Британской Индии. Княжество, граничившее с Китайским Туркестаном на северо-востоке и Памиром на северо-западе.

ся к русскому генеральному консулу Томановскому, чтобы тот помог выяснить, что это за человек. Ибрагим делал вид, что ни одного языка, кроме русского, не понимает. Томановский мне объяснил, чтобы я о том не говорила. Если дезертир — выслать в Россию в кандалах. Если ему официально ничего не известно, то и заступаться ему не нужно. Мы успокоили Bowring, что он не опасен. Он поселился на Чанди-чоук — Лунной улице, главной торговом-промышленной улице Дели, открыл столярную мастерскую, взял в жены дочерей самых лучших резчиков по дереву, образовал родственную артель, расширился на Амритсар, Лагор и процвел. Большие родственные связи среди мусульман. Приходил ко мне в Дели послушать русской речи» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228].

Не все планы полевой работы удалось осуществить. Мерварты «хотели ехать в Гондвану в Южной Индии, область очень интересного племени, но правительство нам отказало в разрешении, из-за беспорядков. Немецкие эмиссары убедили гондов в божественности кайзера, его тождественности с богом-покровителем гондов; формировались обряды для союзников кайзера-бога. Такой же запрет — в Ассаме, где хотели проехать в вассальное княжество Манипур и к племенам Мири и Абор, на границе английских владений» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 229].

Британцы в годы Первой мировой войны с подозрением относились к работе Мервартов. Слежка за ними велась постоянно. Поэтому переписка с МАЭ велась по-английски, чтобы облегчить работу цензоров и упростить доставку почты в Россию. Донесения в АН они по возможности посылали через российских консулов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228]. «А. Мерварт говорил, что война между Россией и Германией бессмысленна, вредна, на руку только Англии — общему врагу. Всю неделю до вступления Англии в войну англичане говорили то же самое: Россия и Германия взаимно друг друга ослабят и истощат. Успех русского оружия вызывал в англичанах враждебное отношение и боязливое оглядывание на то, как к этому успеху отнесутся ту-

земцы» [Там же. 206 об.]. Л.А. Мерварт ужасало «жестокое, рабовладельческое отношение англичан к индусам» [Там же].

Л.А. Мерварт вспоминала, что в первый год войны немцы на Цейлоне во главе с немецким консулом Фрейденбергом, главой фирмы, экспортировавшей копру, были на свободе. Губернатор взял с них слово, что они будут продолжать дело, сохраняя нейтральность. Но Фрейденберг платил около 8 тыс. рупий (5120 руб.) в месяц тамилу (индусу) — оператору на радиостанции, и тот посылал его сообщения на капер «Эмден»⁵⁶. Немцы жили в Diyutalawa под видом монахов-буддистов (Южный Цейлон) под руководством Ньянатилока, население считало их святыми [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 225–226]. На Цейлоне в 1915 г. «было восстание туземцев, которых немцы и японцы тайно снабжали оружием». Британцы сделали у Мервартов обыск — без результата, изъяли переписку, потом вернули с извинениями [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 229].

Члены организации Mahabodhi Society⁵⁷, которая занималась изучением и изданием буддийской литературы и где бывал А.М. Мерварт, были арестованы и казнены. По мнению Л.М. Мерварт, они, по-видимому, руководили восстанием [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 210–210 об.]. В библиотеке Института восточных рукописей РАН имеются издания Общества Махабодхи. Не исключено, что они были привезены Мервартами.

Туземные друзья предупреждали, когда узнавали о чем-либо готовящемся против Мервартов. «В Калькутте мой приятель,

⁵⁶ SMS Emden — немецкий бронепалубный крейсер, проводивший успешные рейдерские действия против торгового судоходства и военных кораблей союзников в Индийском океане с 1 августа по 9 ноября 1914 г.

⁵⁷ Общество Махабодхи — международная организация буддистов, созданная в 1891 г. в Коломбо сингальским религиозным деятелем Анагарикой Дхармапалой (1864–1933).

помощник зав. Отделом искусства (кажется, Ram-Chandra), предупредил, что калькутская полиция за нами следит и очень не доверяет, ищет немецкого шпионажа. Он сообщал о состоянии индийской промышленности. Полиция в Калькутте вызвала А. Мерварта 1–2 раза, извинялась за отсутствие оснований для репрессий» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 230.]

Работа в музеях, архивах, библиотеках и других культурных центрах Индии и Цейлона позволила Мервартам получить представление о разнообразии культур народов Южной Азии. В частности, в Музее Нейпира в Тривандруме выставлены богатые естественно-исторические и художественные коллекции. В том числе имеется собрание предметов с островов Малайского архипелага и других территорий, с которыми издавна существовали торговые связи. Впоследствии знание этих коллекций пригодилось, когда Л.А. Мерварт была назначена заведующей отделом Индонезии МАЭ.

2.4. Финансирование экспедиции в 1914–1918 гг.

Мервартам на командировку в Южную Азию было обещано 50 тыс. руб. в качестве оплаты труда и средств для научных изысканий, затем сумму уменьшили до 36 тыс. руб. Фактически все выделенные средства Мерварты тратили на покупку научной литературы и коллекций для МАЭ. На эти же цели шли их личные средства — кураторские и преподавательские заработки. Часть коллекций Индийского музея из числа дублетов попала к Мервартам, а затем в МАЭ в качестве платы за реэкспозицию («перевыставление») этнографических коллекций этого музея и подготовку двух научных каталогов.

Мерварты старались экономить на всем. Они просчитывали самые выгодные курсы перевода валюты, чтобы при конвертации иметь больше денег в местной валюте на покупку коллекций. Изучив ситуацию на Цейлоне, 12/25 июня 1914 г. Л.А. Мерварт сообщила В.В. Радлову *«деловую подробность. Для того чтобы возможно меньше потерять на переводе, придется, если это возможно по телеграфу, посылать сюда деньги всегда английским*

золотом (*English pounds in gold*)» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 199]. Имеются в виду, конечно, не золотые слитки или монеты, а форма валюты.

Л.А. Мерварт старалась экономить средства: вещи для МАЭ покупал местный житель — слуга, предметы заказывались непосредственно у мастеров; по возможности стремились получить коллекции в дар; для стимулирования дарения она предлагала применить способы, которые были опробованы в России (наградить дарителя медалями, жетонами или иными наградными знаками «за споспешествование процветанию Музея» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 201], послать им официальную благодарность от ИАН, приобрести научные публикации местных авторов [Там же. Л. 225–232 об.]).

После начала Первой мировой войны проблема финансов встала со всей остротой. 5 августа 1914 г. Л.А. Мерварт отправила с о-ва Цейлон цветные открытки в МАЭ на английском языке, уведомляя В.В. Радлова: «*Мы будем сидеть в Канди, изучая этнографию, буддизм и народный язык, пока война будет продолжаться, но мы будем ждать с коллекциями, поскольку мы не знаем, сможет ли Академия отправить нам деньги после войны*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 279]. Л.Я. Штернбергу она объяснила: «*Мы воздержимся от покупок, потому что мы ничего не знаем о поставке денег, которые мы можем получить в Академии сейчас*» [Там же. Л. 280]. 1/14 сентября 1914 г. Л.А. Мерварт успокаивала коллег: «*Мы живы и работаем, сколько можем. Только теперь мы не собираем, потому что не знаем, когда придут следующие суммы из Музея и придут ли вообще. Конечно, теперь для собирания самое благоприятное время. Здесь страшное разорение, потому что почти прекратился вывоз чая, каучука, корицы и т.д. Кроме того, нет и не будет иностранных путешественников и поэтому можно было бы купить много и дешево. Но...? Остается только учиться*» [Там же. Л. 10].

Все денежные расчеты вел А.М. Мерварт [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 228]. Своему секретарю Дж. Сенавиратне на о-ве Цейлон он платил по 250 рупий в месяц [Там же.

Т. 12. Л. 244]. В Мадрасе у немецкой фирмы «Виле и Клейн»⁵⁸ А.М. Мерварт приобрел фотографии мадрасского порта (2 тыс. рупий). В Коимбаторе (Южная Индия) он платил по 150 рупий информантам «за обзор о том, что творилось в их деревнях». За четыре года израсходовал 20 тыс. рупий, включая отправку материалов через Коломбо — в Батавию (4 раза) через Сенавиратну, в Германское консульство и в Кабул через Гулам Наби (1 раз) [Там же. Л. 245].

Императорская академия наук 19 марта 1914 г. просила Российское консульство в Коломбо сохранять посылки для командированных от МАЭ Мервартов (они урегулируют транспортные расходы) и оказывать необходимое содействие при выполнении ими поручений [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 128, 129, 162]. 7 марта 1916 г. Мервартам рекомендовали адресовать письма, направляемые через Российское консульство, на Министерство иностранных дел [Там же. Ед. хр. 69. Л. 265]. Телеграммы, открытки и некоторые письма, отправленные в МАЭ по почте, были написаны по-английски.

Первые письма и денежные отчеты Мервартов с Цейлона были доставлены благополучно [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 445–446]. Впоследствии почта поступала в МАЭ через Российское Императорское вице-консульство в Коломбо. 27 августа 1915 г. — пакет № 1 почты за № 68 передан в консульство г-жою Мерварт [Там же. Ед. хр. 70. Л. 102]; о его получении 30 сентября 1915 г. консульский агент Кадомцев был уведомлен [Там же. Ед. хр. 69. Л. 181]. Доклад № 3 г. Мерварт передан в ИАН 10 февраля 1916 г. почтой № 15 [Там же. Ед. хр. 68. Л. 43]; два доклада (№ 4 и приложение) 8/21 марта 1916 г. почтой № 24 [Там же. Л. 52], получены 18 апреля 1916 г. [Там же. Ед. хр. 69. Л. 303]. Ответы 15/28 марта 1916 г. [Там же. Л. 288], 3 июня 1916 г. [Там же. Л. 350] передавались через чиновника МИД Николая Петровича Юдина. 7 июля 1916 г. доставлен еще один пакет из

⁵⁸ «Wiele & Klein, Madras» (1882) — самая известная фотостудия Южной Азии конца XIX — начала XX в.

Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916. Ед. хр. 8. Л. 20], 23 июля 1916 г. туда отправлено заказное письмо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 357].

К сожалению, не все послания Мервартов сохранились. Из письма Л.Я. Штернберга известно, что Мерварты не получили денег, переведенных по телеграфу за 12 дней до войны [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 452].

Л.Я. Штернберг в письме от 27 декабря 1914 / 9 января 1915 г. на английском языке обещал Мервартам: *«В будущем году вы можете рассчитывать на наше вспомоществование в сумме 5–6 тыс. рублей, поэтому продолжайте покупать коллекции. Помните, что собирание — это Ваша главная цель, телеграфируйте нам по телеграфному адресу: Petromis»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 19].

К тому времени в составе Попечительного о Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого совета в 1914–1915 гг. произошли значительные перемены. Тяжелой утратой явилась внезапная кончина Ф.Ю. фон Шотлендера, который был первым членом вновь учрежденного совета и самым крупным его жертвователем [Соболева 2009]. Почетный председатель князь А.Г. Романовский с самого начала войны отбыл в действующую армию. Почетный член Попечительского совета К.К. Шейблер оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, увезен военнопленным в Германию. Некоторые другие члены совета были обременены работой в тыловых официальных и общественных учреждениях. Почетный член Б.А. Игнатъев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного Креста [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 420 об.]. В.В. Радлов 15 апреля 1915 г. напомнил Правлению ИАН, что *«на средства Б.А. Игнатъева удалось снарядить продолжительную экспедицию на о. Цейлон и в Индию Л.А. и Г.Х. Мерварт, которым поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел*

им. Государя Императора. Экспедиция эта, богато снаряженная, очень успешно работала до января 1915 г. на о. Цейлон, после чего переехала в Мадрас, собрав большой научный материал и обширное собрание предметов, которое по случаю военного времени пока, к сожалению, не может быть транспортировано и хранится в русском консульстве на Цейлоне. На средства же г. Игнатьева приобретена ценная коллекция М.С. Андреева по религии Индии, хранившаяся в Музее до сего времени условно до благоприятного для приобретения случая» [Там же. Л. 421]. От Б.А. Игнатьева было получено 12 000 руб., от К.К. Шейблера — 27 470 руб. На экспедицию А.М. Мерварта в Индию в 1914 г. было выделено 13 825 руб. 14 коп., на покупку коллекции М.С. Андреева — 2035 руб. [Там же. Л. 421 об.].

В «Тетради учета расходов по поездке в Индию» заполнена 31 страница, расходы в апреле-октябре 1914 г. расписаны очень подробно. Было получено весной 1914 г. от МАЭ 7700 руб., истрачено на снаряжение 2028 руб. 74 коп., на путь из Санкт-Петербурга в Коломбо — 574 руб. 50 коп., остаток составлял 539 фунтов. 30 июля 1914 г. от МАЭ Мервартам поступило 6000 руб., 17 марта 1915 г. — еще 6000 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 46. Л. 1 об.].

Из Мадурай Мерварт 6 февраля 1915 г. телеграфировал в МАЭ, что, в частности, отправлены пять ящиков, 25 находятся в Коломбо, просил перевести деньги в Императорское Русское консульство в Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 5].

Дирекция МАЭ добилась разрешения ИФО ИАН № 3 от 11 февраля 1915 г. «из сумм МАЭ на приобретение коллекций ассигновать: 1) Г.Х. Мерварту 6 тыс. руб. на дальнейшие сборы в Южной Индии. До сих пор собрано этими лицами 30 ящиков коллекций по быту, искусству и религии Цейлона, большая серия рукописей, и наряду со сборами они успешно изучали туземные языки и литературу на этих языках. Деньги необходимо выслать по телеграфу в Коломбо на о. Цейлон, Русское Консульство, Герману Мерварту (1914.IV.132)». Одновременно надо было поддержать

экспедиции И.И. Зарубина в Припамирье, С.М. Широкогорова в Северной Маньчжурии и В.К. Арсеньева в Хабаровске [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 399 об.]. В.В. Радлов как председатель Попечительного совета 18 февраля 1915 г. просил Правление ИАН ассигнованную Конференцией сумму в 6000 руб. на продолжение экспедиции А.М. Мерварта в Индию, которая *«была снаряжена в прошлом году на средства Попечительного Совета и в этом году вследствие исключительных обстоятельств им дальше субсидирована быть не может»*, ввиду крайней важности дела выдать ему для перевода по телеграфу в Коломбо [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 51]. 15 марта 1915 г. телеграммой из г. Кодаи-Канал (Kodai-Kanal, Мадрасская провинция, современный штат Индии Тамилнаду) Мерварт подтвердил, что деньги получены [Там же. Ед. хр. 70. Л. 15]; 31 сентября 1915 г. он писал в МАЭ: *«Собрано свыше шестидесяти ящиков, деньги нужны срочно, пересылайте телеграфом консулу в Коломбо»* [Там же. Л. 117].

В.В. Радлов 11 октября 1915 г. просил Особенную канцелярию Кредитной части выделить 2000 руб. от Попечительного совета для перевода в Коломбо в Императорское Русское консульство [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 44. Л. 50], телеграфировал Мервартам 12 ноября 1915 г.: *«Перевожу телеграфно сегодня две тысячи, в январе — пять, собирайте»* [Там же. Ед. хр. 69. Л. 203].

А.М. Мерварт 7 декабря 1915 г. подтверждал В.В. Радлову получение денег: *«Мы только что получили 2000 рублей от Вас и обещание, что в январе будет еще 5000. Это очень хорошо, так как теперь дело собирания идет недурно, и коллекции растут быстро и планомерно. Мы провели на восточном берегу Южной Индии всего семь месяцев. Из них мы жили 2 месяца в Kodaikanal и Shetbaganur, т.к. жара стала невыносимой. 2½ месяца мы жили в Madura у хороших знакомых. Это было, во-первых, дешевле, так как стол и комната стоили нам ничего или очень мало (один месяц в отсутствие хозяев нам пришлось вести хозяйство на свой счет)»* [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 3]. В Эрнаукуламе

Мервартам также удалось поселиться бесплатно в правительственном Гостевом доме (The State Guesthouse).

В 1915 г. Мерварты провели масштабное фотографирование экспонатов музеев Мадраса, Коломбо, Пудукотты, Тричура, а также частных коллекций. Фотографий и негативов, в том числе копий снимков других фотографов, у них было уже более 2000, а также около сотни подаренных организациями и частными лицами книг [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 5 об.]. *«Чтобы иметь деньги на все это, нам пришлось, конечно, уменьшить как можно больше расходы на жизнь. Это нам удалось таким образом. 3 месяца мы гостили у одного англичанина в Шембагануре и Мадуре, в Пуддукотай, Кочине, и теперь в Траванкоре мы устроились как гости государства. Это обстоятельство, что мы за стол и комнату платили только в течение пяти месяцев, сделало возможным, что 6000 рублей нам хватило на жизнь и коллекции от середины марта до сих пор»* [Там же. Л. 5 об. — 6]

В 1915 г. Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого совет располагал остатком от 1914 г. *«(вместе с ростом процентов и др. случайными суммами) в 1331 руб. 18 коп. и вновь пожертвованной суммой в 4600 руб., из коих 2 тыс. руб. поступили от И.Я. Мюргеда, 2 тыс. руб. от В.В. Святловского и 600 руб. от Э.Л. Нобеля. Большая часть расходов Совета была произведена на музейные экспедиции: 2 тыс. руб. было послано (дополнительно к музейной субсидии в 6 тыс. руб.) экспедиции в Индию Г.Х. и Л.А. Мерварт. Последние по окончании работы на Цейлоне в отчетном году продолжали свои исследования и собирали коллекции в Южной Индии и ныне переходят к обследованию северной части Индии. Собраны ими 200 ящичков с предметами, полно рисующими быт самых разных народов Южной Индии, и, кроме того, добыто много научного материала по языкам, верованиям, материальной культуре и социальной жизни»*. На продление экспедиции Мервартам выделено 600 руб. Другая крупная трата в 2 тыс. руб. была произведена на экспедицию С.М. и Е.П. Широкогоровых в Северо-Западной Маньчжурии, часть собранных коллекций прибыла в музей,

а другая с более громоздкими вещами осталась на месте до окончания войны [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 419, 427].

А.М. Мерварт 28 января 1916 г. отправил телеграмму: «*Все деньги потрачены, высылайте немедленно*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 21], и сразу же: «*Мы нашли деньги, объясним письмом*» [Там же. Л. 22]. Вероятно, имелись в виду временные заработки А.М. Мерварта. Радлов ответил 15 марта 1916 г.: «*Продолжайте, деньги гарантированы*» [Там же. Ед. хр. 69. Л. 274]. Решением ИФО ИАН от 15 января 1916 г. из музейных сумм ассигнованы 5000 руб. «*на сопряженные с экспедицией расходы по содержанию упомянутых лиц и приобретению коллекций*» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 374]. «*Комиссия по распределению иностранной валюты для заказов по государственной обороне согласно протокола своего от 21 октября 1915 г. постановила, что ИАН в счет кредита на январь 1916 г. имеет получить из Особой Канцелярии по Кредитной части Министерства Финансов для платежей по требованию № 1039 пособия сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту через Русское Консульство в Коломбо согласно заявлению своему от 20 января за № 125 валюту на сумму руб. 5000 по внесении соответствующей контрвалюты*», £527–19/8 по курсу 94.70. Ассигновка № 128 30 января 1916 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 4, 7, 11]. Как видим, финансирование экспедиции продолжалось через Русское консульство в Коломбо даже тогда, когда Мерварты находились в Индии. Это частично связано с личной доброжелательностью консульских сотрудников в Коломбо и, вероятно, с планами возвращения домой через этот город-порт. Кроме того, отметим, что ранее находившееся в Бомбее консульство России в Британской Индии было перенесено в Калькутту, так что из Южной Индии легче было добираться в Коломбо, чем в Калькутту.

В ответ на письмо от 6 февраля 1916 г. Л.Я. Штернберг писал Мервартам 22 марта 1916 г.: «*Прежде всего хочу Вам сказать пару слов по денежному вопросу. Недоразумение с деньгами*

вышло потому, что Кредитная Канцелярия вместо того, чтобы переслать по телеграфу, как мы просили, прислала нам спустя месяц чек для перевода Вам по почте. Вот тогда только и заставили Кредитную Канцелярию перевести вам деньги по телеграфу. Что касается дальнейших средств, если понадобится, то постараемся их раздобыть, для того чтобы Вы могли использовать свое пребывание в Индии производительно для целей Музея. Я Вам телеграфировал, чтобы корреспонденцию направляли в МИД для Музея, для того чтобы не было проволочек с цензурой, где, без сомнения, много разных писем до сих пор лежит. Но посылайте всю Вашу корреспонденцию через Консульство, хотя и те письма, которые Вы посылали через Консульство непосредственно нам, тоже цензурой не задерживались и переводились нам беспрепятственно. Командировочные листы, как Вы просили, для Вас высылаются» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 281–286].

А.М. Мерварт 23 февраля 1916 г. телеграфировал из Дели: «Коллекции продолжаются, деньги срочно нужны» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 9].

В апреле заканчивался срок официальной командировки, и 15 апреля 1916 г. А.М. Мерварт телеграфировал: «Деньги телеграммы получены, когда сколько следующих денег, ответьте, шлите новые документы срочно» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 57]. 15 апреля 1916 г. из цейлонского курортного местечка Нувара Элия (St. Winifreds, Nuwara Eliya) ему написал вице-консул Б.П. Кадомцев: «Дорогой Герман Христианович, Вчера я был в Коломбо, откуда перевел Вам по телеграфу 500 рупий. Ваш перевод из Петрограда еще не пришел. Я слышал, что перевод из России чрезвычайно трудно получить. Министерство дает в ограниченном количестве и только для погашения долговых обязательств. Сейчас exchange 163 за £10! Не покупайте больше коллекций, иначе “сядете на мель”. Известия из России лучше. Армия перевооружена, старые генералы уволены, масса снарядов и пр. Я удостоился особого внимания со стороны Министра Сазонова, который доложил Госу-

дарю два моих аналитических донесения (об англо-русских отношениях). Говорят, мои доклады замечены в Министерстве. Привет Людмиле Александровне. Жму руку, Кадомцев» [Там же. Л. 58–58 об.].

В.В. Радлов телеграфировал Мервартам на Российское консульство в Коломбо 27 мая 1916 г.: «В сентябре еще пять тысяч» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 343].

Из полученных средств и жалования от Союза плантаторов Южной Индии А.М. Мерварт оплатил долг российским консулам и приобретенные с помощью Анантакришны Айера коллекции [Мерварт, Мерварт 1927: 15].

Из Шринагара, Кашмир, 26 июля 1916 г. Мерварты телеграфировали: «Шлите деньги первого сентября нового стиля, срочно нужны» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 77]. В.В. Радлов убедил Правление ИАН 3 августа 1916 г. «из суммы, отпущенной ИФО на экстренные расходы по Музею в вакационные месяцы, выслать 5000 руб. командированному в Британскую Индию сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту, каковую сумму необходимо перевести по телеграфу по следующему адресу: *Colombo, Russian Consulate, Meerwarth*». Ассигновка № 1044 17 августа 1916 г. выписана на 3010 руб. Сумма переведена 9 сентября 1916 г. (5 руб. — плата телеграфу) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 94, 99, 116].

Из Дели 21 октября 1916 г. А.М. Мерварт телеграфировал: «Сто тридцать ящиков, деньги срочно нужны» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 68. Л. 190]. В этот же день В.В. Радлов просил Особенную канцелярию по кредитной части по телеграфу выслать 2000 руб. Г.Х. Мерварту в Коломбо, о. Цейлон, Императорское Российское консульство [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 410].

В.В. Радлов 11 января 1917 г. получил разрешение Правления РАН «выслать из сумм МАЭ на продолжение работы лицам, состоящим в командировке от Музея, следующие суммы. 1) сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту в Индию — 5000 руб. (по телеграфу по адресу: *Colombo, Russian Consulate*). 2) С.М. Широко-

горову — 1000 руб. (по телеграфу: Благовещенск, до востребования)» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 12].

Исполняющий обязанности вице-президента ИАН А.П. Карпинский 21 января 1917 г. обсуждал с Комиссией по учету и распределению иностранной валюты вопрос о средствах А.М. Мерварту в Коломбо. В итоге Отношение ИАН было передано для отнесения на свободный кредит в Особенную канцелярию по кредитной части, 28 января 1917 г. выписана ассигновка № 156 на 5005 руб. (5 руб. — на телеграфные расходы). Платеж произведен депешей 6 февраля 1917 г. через банк Братьев Бэринг⁵⁹. В рапорте Российскому консульству в Индии указано, что 11 февраля 1917 г. 5000 руб. по курсу 95,50 = £523,11/2 + 10 руб. телеграф, доплата 5 руб. осуществлена 16 февраля / 1 марта 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 26–32].

Из Дели 2 февраля 1917 г. А.М. Мерварт телеграфировал: «Сто пятьдесят ящиков, срочно нужны деньги» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 16]. В.В. Радлов ответил 14 февраля 1917 г.: «Я добился второго перевода пяти тысяч, но будут в назначенное время» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 482]. Мерварт вновь телеграфировал 16 февраля 1917 г.: «Просил деньги дважды без ответа, срочно высылайте, сообщите, когда следующий перевод, иначе работа серьезно затруднится» [Там же. Ед. хр. 71. Л. 32], 27 февраля 1917 г.: «Деньги не готовы, немедленно телеграфируйте в консульство в Калькутту, когда и как отправлены, все израсходовано» [Там же. Л. 33]. В.В. Радлов ответил 4 марта 1917 г. А.М. Мерварту в Русское консульство в Калькутте: «Третьего февраля мы послали пять тысяч в Коломбо» [Там же. Ед. хр. 69. Л. 490].

В.В. Радлов 17 мая 1917 г. получил разрешение Правления ИАН «из сумм на покупку коллекций перевести по телеграфу 5000 р. сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту по адресу: Colombo, Russian Consulate» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917.

⁵⁹ Barings Bank (англ.; Банк братьев Бэринг) — один из старейших торговых банков мира (1762–1995).

Ед. хр. 164. Л. 446] и телеграфировал А.М. Мерварту в Русское консульство в Коломбо: «Перевел пять тысяч» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 8]. Ассигновка № 828 на 4010 руб. выписана 21 июня 1917 г. Военное министерство, Главное управление пограничному снабжению, валютный отдел, отделение II, 24 мая 1917 г. № 1239, разрешило перевести 4000 руб. 30 мая 1917 г. № 2561 в английской валюте для приобретения в Коломбо этнографических коллекция для МАЭ. Ходатайство передано для отнесения на свободный кредит в Особенную канцелярию по кредитной части 16 июня 1917 г. № 1476, ассигновка № 828 выписана на 4010 руб. Средства были ассигнованы из казенных штатных сумм МАЭ. 4000 руб. по курсу 95,50 = £418,17 + 10 руб. за телеграф. По отношению Правления ИАН от 16 февраля 1917 г. № 1476 депешей от 26 июня 1917 г. деньги были переведены через Банк братьев Бэринг в Российское консульство в Коломбо «для Г.Х. Мерварта», сумма поступила талоном. Платеж произведен 28 июня 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 74–84].

Оставшиеся 1000 руб. были отправлены позже. «*Рапортом от 20 мая 1917 г. за № 1298 г. Непременный Секретарь АН просил повеления Правления Академии о переводе по телеграфу из сумм МАЭ на покупку коллекции младшим сверхштатным этнографом Г.Х. Мервартом в Colombo, Russian Consulate, 5000 руб. Постановлением Правления Академии от 20 мая с.г. положено перевести по телеграфу 4000 руб. В настоящее время можно было бы дослать Г.Х. Мерварту еще 1000 руб., согласно заявлению этнографа Л.Я. Штернберга. 12 июля 1917 г. столоначальник Першетский*» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 99]. Исполняющий обязанности вице-президента А.П. Карпинский и вице-президент ИАН И.П. Бородин разрешили 2 августа 1917 г. ассигновку Правления № 950 на 1010 руб., средства из свободного кредита отправлены депешей от 7 августа 1917 г. через Банк братьев Бэринг в Коломбо Русскому консульству «для Г.Х. Мерварта», £104,14/3 = 1000 + 10 руб. [Там же. Л. 101–106].

В.В. Радлов объяснял на заседании Историко-филологического отделения, что Музей «рассчитывал на частные пожертвования, обещанные членами Попечительского Совета, которые действительно в первый год ассигновали на нее 17 000 рублей. К сожалению, один из крупнейших жертвователей, г. Шейблер из Лодзи, очутился в плену у немцев, и поэтому все дальнейшие расходы до 25 000 рублей пришлось оплатить из скудного музейного бюджета.

Теперь предстоит довести экспедицию до благополучного конца. Необходимо поддержать экспедицию до окончания войны, дабы дать возможность участникам свезти в один пункт все разбросанные в разных местах коллекции и под их личным надзором переслать в Россию, далее расплатиться за сделанные заказы отливов и с разных памятников старины и изготовленные модели, и, наконец, дособрать еще самое необходимое для того, чтобы не пришлось в скором времени вторично снаряжать такую отдаленную и дорого стоящую экспедицию. На все эти расходы, считая, что экспедиции пробудет на месте еще 10–12 месяцев, потребуется не менее 12-ти тысяч рублей. Между тем средства Музея истощены, вследствие того, что уже истрачено на эту экспедицию в нынешнем году 5000 рублей, а еще 5000 сейчас предстоит выплатить, и придется закончить год с дефицитом. Прошу поэтому войти с ходатайством перед Министерством Народного Просвещения об экстренном ассигновании в распоряжение Музея упомянутой суммы. (Срв § 247). Возбудить ходатайство» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164. Л. 443 об.].

На заседании Историко-филологического отделения РАН № 11 20 сентября 1917 г. В.В. Радлов убедил академиков возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения: «На последнем своем (май) заседании ИФО согласилось испросить 12 тыс. руб. для возврата посланных мною из сумм вверенного мне Музея 5000 руб. в Индию на содержание экспедиции Г.Х. Мерварта во 2-м полугодии 1917 г. и для расходов в сумме 7 тыс. руб. при окончательном расчете по ликвидации экс-

педиции. Как мне известно, г. Министр Финансов согласен ассигновать эти 12 тыс. руб. Но курс нашего рубля, бывший в мае месяце, настолько разнится от нынешнего, что ассигнованных 7 тыс. руб. далеко не хватит для расчета по экспедиции. Ввиду этого я считаю необходимым просить АН войти в Министерство Народного Просвещения с ходатайством об особом дополнении, с их стороны ассигновать еще 8 тыс. руб. (IX.238). Возбудить ходатайство перед Министерством Народного Просвещения» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164. Л. 481–481 об.].

Русский консул из Калькутты информировал МАЭ 29 сентября 1917 г. телеграммой: «*Мерварты без гроша, прошу выслать деньги немедленно телеграфом*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 49]. По подсчетам МАЭ, в июне и августе через Банк братьев Бэринг «для Г.Х. Мерварта» было переведено 522 фунтов стерлингов. Это было указано в записке № 202, с которой директор МАЭ академик В.В. Радлов 30 сентября 1917 г. обратился в Хозяйственный департамент Министерства иностранных дел: «*Покорнейше прошу через Министерство отправить по возможности сегодня следующую телеграмму: “Russian Consulate Calcutta — July August wired Colombo Consulate Meerwarth five hundred twenty two pounds soon send more expedition financially guaranteed”*⁶⁰. Вместе с тем прошу, если возможно, от Министерства сообщить Консульству в Калькутте, чтобы в случае, если Мерварт временно окажется в затруднительном положении, помочь ему заимообразно в счет Музея» [Там же. Ед. хр. 73. Л. 33].

⁶⁰ «Русское консульство Калькутта — в июле-августе телеграфировали в Консульство в Коломбо пятьсот двадцать два фунта, скоро вышлем еще, экспедиция финансово гарантирована» (англ.). Телеграмма была получена 7/20 октября 1917 г., и консул П.А. Рогальский из Симлы подтвердил гарантии Мервартам в Шиллонг [АВГПРИ. Ф. 238. Генеральное консульство в Калькутте. Оп. 778. Д. 84. Л. 14–19].

Особенная канцелярия по кредитной части уведомила РАН о получении 6000 руб. на отношение от 6 октября 1917 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 71. Л. 55].

Революционные события прервали процесс возвращения экспедиции Мервартов на несколько лет.

Накануне отъезда из Калькутты Мерварты неожиданно получили 600 фунтов стерлингов — задержавшийся перевод из АН — и расплатились с долгами, в том числе перед консульством. Оставшихся средств им хватило, чтобы добраться до Владивостока и обустроиться там [Мерварт, Мерварт 1927: 23].

Академик В.В. Радлов 15 апреля 1918 г. просил у Отделения исторических наук и филологии на экспедиции Мервартов и Широкогоровых в английской валюте 1900 фунтов стерлингов, а в русской, переводя фунт стерлингов на рубли, даже по курсу 30 руб. за фунт стерлингов, — сумму в 63 000 руб., сделать соответствующее сношение с Народным комиссаром по просвещению [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 163. Л. 393].

В.В. Радлов 24(11) апреля 1918 г. сообщил Отделению исторических наук и филологии, что *«для нужд экспедиции командированного в Индию Г.Х. Мерварта, который вследствие неполучения денег в течение последних 8 месяцев находится в безвыходном положении, необходимо перевести немедленно по крайней мере 10 000 руб., которые прошу ассигновать из общемузейных сумм. Т.к. через Кредитную Канцелярию в настоящее время переводы не производятся, то я принял меры, чтобы можно было перевести эту сумму через местное Английское Консульство, которое изъявило на это согласие. Прошу поэтому означенную сумму выписать на мое имя для передачи консулу, квитанция которого в получении мною своевременно будет представлена»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918. Ед. хр. 73. Л. 95]. Было положено выдать В.В. Радлову 10 тыс. руб. из указанного источника «для перевода Г.Х. Мерварту» через посредство английского консула, о чем сообщить в Правление для исполнения [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 163. Л. 394 об.]. Ассигновка № 287 на 10 тыс. руб. была

выписана 1 мая 1918 г. В.В. Радлову [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17. Л. 26].

Но 12 мая 1918 г. академик В.В. Радлов скончался. Остались не получены два талона к ассигновке от 27 марта № 184 (аванс музей — 500 руб.) и от 1 мая № 287 — 10 тыс. руб., «отсылка Г.Х. Мерварту» (VII.158) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17. Л. 41]. Было положено выписывать ассигновки для МАЭ на имя непременного секретаря С.Ф. Ольденбурга [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 406].

Член Коллегии научного отдела Народного комиссариата по просвещению Л.Г. Шапиро 26(15) июня 1918 г. прислал в Академию отношение № 17698/731 от 20 июня: *«Сообщаю вам, что Финансовой Комиссией 19 июня 1918 г. постановлено открыть Вам кредит в сумме 63 000 руб. на экспедиции в Индию, Маньчжурию, Корею, Амурский край в первой половине 1918 г. О переводе Вам этого кредита мы сегодня же обратились в Финансовое Отделение Комитета»* [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 71 об.].

Мерварты 24 июля 1918 г. телеграфировали в МАЭ: *«Деньги, обещанные в июне, не поступили, срочно нужны, спросите»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 72. Л. 30]. Руководство Академии наук просило управляющего делами А.П. Штапельберга (1869–1932) выяснить, когда от Кредитной канцелярии отправлены 5000 рублей в Индию.

По подсчетам Л.А. Мерварт, за четыре года командировки члены экспедиции получили около 40 тыс. руб. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 183]. Деньги поступали через русское посольство в Лондоне [Там же. Л. 206]. Она пишет: *«Ввиду частых перебоев в поступлении денежных средств мы неоднократно испытывали нужду, заставлявшую нас найти какую-нибудь работу, которая дала бы нам возможность существовать»* [Там же. Л. 183].

После кончины академика В.В. Радлова хлопоты о работе экспедиции прекратились, командировки Мервартам продлены не были. В условиях революции и Гражданской войны коммуника-

ционные пути оказались перекрыты. Сотрудники МАЭ в Петрограде в сложнейших условиях разрухи и инфляции спасали музей, выстраивали его работу в новых условиях. Только в 1922 г., когда стала восстанавливаться почтовая связь с отдаленными пределами России и с заграницей, руководство МАЭ возобновило хлопоты по возвращению экспедиции Мервартов в Петроград.